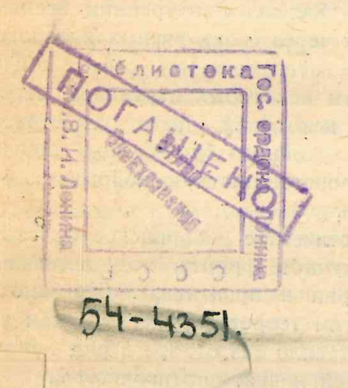
ОБЩЕСТВО БИОЛОГОВ-МАРКСИСТОВ
ПРИ ЛЕНИНГР. ОТД. КОМАКАДЕМИИ

И. ПРЕЗЕНТ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
на естественно-научном фронте

ОБРАБОТАННАЯ СТЕНОГРАММА
ДОКЛАДА НА КОНФЕРЕНЦИИ
ПЕДАГОГОВ - ЕСТЕСТВЕННИКОВ
Г. ЛЕНИНГРАДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД — 1932

ПРЕДИСЛОВИЕ

Письмо тов. Сталина еще раз со всей остротой и глубиной ставит перед нашей партией задачу зорко следить за всеми вылазками классового врага в каком облачении этот враг не выступал бы.

Вопреки злопыхательскому «пророчеству» контрреволюционного троцкизма вопрос «кто кого» решен в нашей стране *в пользу социализма*. Но ликвидируемый как класс кулак не сдает своих позиций без боя. *Классовая борьба продолжается.* Являясь внутренним агентом международной контрреволюции, кулак через своих ученых идеологов тонкими методами науки «доказывает» невозможность социалистического строительства. Гнилой либерализм некоторых партийцев, отсутствие большевистской партийности у некоторой части теоретиков-«марксистов» делают возможным для партийного буржуа под личиной беспартийной науки, пытаться вести пропагандистскую подрывную работу против пролетариата и его теории.

Прежнее меньшевиствующе-идеалистическое деборинское руководство на философском и естественно-научном фронте, не понимавшее внутреннюю, интимнейшую связь теории и практики, либерально и оппортунистически относилось ко многим теоретическим вылазкам наших прямых классовых врагов. Оно оставило без отпора и ряд теорий, объединяемых общей установкой, общей идеей: противопоставить социалистически-реконструктивным задачам пролетариата созерцательское отношение к природе с ее, якобы раз навсегда данными, не развивающимися законами, с ее раз навсегда сложившимися стабильными, наиболее благоприятными отношениями, затронуть которые, значит, с точки зрения этих теоретиков, ворваться в порядок природы, нарушить ее устои. Волховстрой, Днепрострой, большевистские темпы и самая социалистическая революция идут наперекор природе и потому будут уничтожены природой — такова установка этих теоретиков, которые не прочь одеть природу в жандармский мундир, а самого жандарма облечь законностью природы.

Теоретической базой гнило-либерального отношения деборинцев к таким враждебным нам теориям является их (деборинцев) *собственная* созерцательность, теоретическая беспартийность, неумение понять единство теории и практики, трактовка философских категорий как саморазвивающихся, независимо от предметного мира, от классовой борьбы.

Занимаясь «чистой» философией, незапятнанной производственной практикой и данными частных наук, *противопоставляя «общее» и «частное»* в своей работе над общими философскими проблемами, скатываясь к идеалистической игре в саморазвивающиеся понятия, меньшевиствующие идеалисты при разработке *частных* проблем совершенно не руководствовались марксистским методом, попадая в плен «последних выводов науки», без критической, марксистско-ленинской *переработки* этих выводов. Вопреки прямому указанию Ленина, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку», деборинцы оставались на меньшевиствующей позиции двойственной истины теоретического и практического, «чистого» и «прикладного» знания, оставались созерцателями, не желающими понять объективно-познавательную роль *партийности*.

Вот откуда примиренчество меньшевиствующих идеалистов к Филипченко, Кольцову и другим буржуазным ученым, рупором которых (а через них и рупором буржуазии как класса) являются меньшевиствующие идеалисты.

Созерцательно-объективистский подход вместо партийной объективности у меньшевиствующих идеалистов, равно как и метафизическая теория неразвивающихся законов (теория «сведения») у механистов, приводящая к «мудрой» консервативной формуле: «нет ничего нового под луной», явилась прекрасным помощником в деле протаскивания в нашу литературу враждебных пролетариату теорий, пытающихся подвести теоретический подкоп под наше строительство.

Вождь нашей партии т. Сталин призвал партию усилить бдительность на теоретическом фронте.

Ознакомить наш широкий партийный актив, а также наших советских педагогов с некоторыми (далеко не полными) образцами классово враждебных нам вылазок на естественно-научном фронте — такова задача настоящей книги.

И. Презент.

*

„**Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное**“. *Ленин.*

(Речь на Всероссийском совещании политпросветов.)

Товарищи, сегодня наша конференция должна вдуматься в то содержание, какое объемлет одно слово: райковщина. Мы не можем подойти к райковщине как к определенному идеологическому и организационному течению, которое обнаружено было среди учительства нашими карательными органами, к райковщине, как вредительской группе, если не поймем, что вредительская группа, возглавляемая Райковым и работавшая в области методики естествознания, является разновидностью, является одним из участков общей классовой борьбы. Сама эта классовая борьба велась на идеологическом фронте, но и идеологическая борьба есть ничто иное, как особая разновидность борьбы классов.

Вот почему первым вопросом на сегодняшней конференции стоит вопрос об отношении естествознания к классовой борьбе. До сего времени распространена еще теория, считающая, что естествознание есть просто некая область науки, которая якобы занимается удовлетворением интереса, имеющегося у человека к миру, удовлетворением любознательности человека. Сама же эта научная любознательность есть якобы нечто совершенно независимое от общественного строя, независимое от классового существа, от классового положения того или иного человека. Эта точка зрения развивается целым рядом исследователей.

Так например проф. Чугаев Л. А. заявлял, что «стремление к чистому знанию, к истине ради самой истины, к постижению неизвестного, влекущего к себе своей таинственностью, стремление, элементарную форму которого мы имеем в простом чувстве любопытства, составляет нечто вроде особого

инстинкта, присущего человеку... Наука — одно из следствий этого инстинкта» (проф. Чугаев Л. А. — Наука как средство в борьбе человека за существование, — речь на открытии «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Сборник речей, стр. 35).

Эта же точка зрения бесклассовости науки излагается и одним из крупных естествоиспытателей, академиком, т. е. человеком, дошедшим до вершин научного знания. Этот академик, ленинградец Вернадский, вместе с педагогом Знаменским, вместе с Шингаревым, вместе с Гиппиус, вместе с Милюковым и некоторыми другими выпустили во время войны книгу под названием «Чего ждет Россия от войны». Эта книга имеет ряд статей. Но меня в данный момент интересует статья, написанная академиком Вернадским, в которой он ставит вопрос о роли и месте науки в человеческом обществе. Вернадский пишет:

«Наука, подобно искусству и религии, и даже больше чем искусство и большинство религиозных систем, является культурной организацией, мало зависимой от государственных или племенных рамок. Наука едина. Ее цель — искание истины ради истины, а та истина, которая получается усилием вековой научной работы, далека от исторической обстановки момента, обща и едина всем без различия». [1]

Так писал, так по всей видимости думал, а возможно и думает академик Вернадский. Но в этой же своей статье Вернадский до-гола раздевает свою собственную теорию. Он сам себя разоблачает и доказывает, как мало «всечеловеческой правды» и как много действительно классовой установки, классово-буржуазной установки в его статье, в его позиции. В своей статье, где Вернадский заявляет о независимости науки от классовых интересов, от классовых побуждений и т. д., он сам же пишет:

«Еще теперь, после 40 лет живы были воспоминания 1870-71 гг. во взаимных сношениях немецких и французских ученых и мы их постоянно чувствовали на международных конгрессах и международных предприятиях». [2]

Вы видите, товарищи, какого рода «чистые» отношения находили себе место на конгрессах, которые должны были заниматься «чистой наукой». Но может быть это немцы и французы не могут подняться выше себя, не могут подняться

[1] Ак. Вернадский. — Сборник „Чего ждет Россия от войны“, стр. 73. Изд. второе. Издательство „Прометей“.

[2] Там же, стр. 75.

над национальными рамками и следовательно не могут отдать себя на службу только чисто научных интересов, а вот сам академик Вернадский, — не француз и не немец, а русский, может ли он подняться выше интереса класса, может ли он сам удовлетворить тому требованию, которое, он считает, должно быть предъявлено научному интересу, научному знанию?

В этой же самой статье, о которой я говорил, ак. Вернадский пишет следующее: «Трудно конечно и невозможно сказать, будет ли в состоянии человечество избежать нового опыта такого кровавого применения научным завоеваниям: это зависит в значительной мере от политических результатов войны, *от доведения ее до конца,* до значительного ослабления империалистических стремлений Германии и от сил того чувства этического протеста, какой вызывает в сознании человечества дикий способ ведения войны, свойственный эпохе переселения народов, перенесенный германской государственной организацией в XX век».[1]

Это доведение войны до победного конца конечно нужно было в интересах чистой науки, а не в интересах Дарданелл, о которых Милюков пишет рядом статью в этом же сборнике.

Германцы — варвары, как пишет Вернадский, и этих варваров-германцев надо уничтожить повидимому тоже во имя чистой науки.

Я должен сказать, что этот сборник не одинок. Можно указать на целый ряд других научных статей, которые писались также в тот же период, в период империалистической войны, и которые пестрят буржуазно-капиталистическими, националистическими настроениями, наукообразно оформленными. Можно сказать прямо, что никогда, с тех пор как общество разделилось на классы, не было людей, интересы которых не питались бы и не создавались бы теми интересами, которые диктуются их классовым положением, диктуются их классовой устремленностью. Но буржуазии невыгодно обнажать классовую сущность своих интересов. Буржуазия должна замазывать классовую природу своего государства, именно потому, что она является классом-эксплоататором. Буржуазия вынуждена скрывать также и классовую природу науки. Отсюда и теория «наука для науки». Только один класс кровно заинтересован в объективной истине, так как она совпадает с его классовым интересом — это —

[1] Сборник „Чего ждет Россия от войны", стр. 71.

класс, эксплоатируемый при буржуазном строе. Только пролетариат может раскрыть ту истину, что всякая истина классова, что всякая научная теория классова. И пролетариат этого не замазывает, а говорит об этом вслух, открыто, громко, пролетариат за это борется и бьется с теми, кто якобы выступает за бесклассовую науку, т. е. на самом деле выступает за буржуазные интересы науки.

Если мы теперь обратимся к ряду документов, которые можно во сто крат увеличить, то увидим, что люди, которые как будто бы занимаются чисто научными исследованиями, мыслят конечно классово и это не может не оформлять и не направлять их научную работу. Для иллюстрации я приведу вам сначала выдержку из одной статьи — «О горных богатствах Сибири». Эта статья была в 1922 году помещена в академическом журнале «Природа». Казалось бы, в статье «О горных богатствах Сибири», напечатанной в журнале «Природа», будет геология, петрография, но классовой борьбы здесь конечно не будет. Не правда ли? Но вот автор этой статьи пишет следующее:

«В истории России никогда раньше не было момента, когда вопросы экономические до такой степени доминировали бы над всеми другими вопросами внутренней жизни государства, как в настоящее время. Мысль и труд поколений, которым на долю выпадает сомнительная привилегия стать наследниками современности, несомненно будут глубоко захвачены тяжелой работой по воссозданию разрушенной экономической мощи и культуры страны. В каком направлении должна итти эта работа, где лежат пути, скорее всего ведущие к этой цели, — вот вопросы, к которым вновь и вновь с тревогой обращается внимание всех, кому не безразличны будущие судьбы государства. В такие моменты вполне извинительно касаться тем, на первый взгляд быть может кажущихся лишь частностями в большом деле возрождения России, но по существу связанных с ним самым тесным образом. Такова и та тема, которой я решаю посвятить настоящую статью».

«Сейчас, — продолжает этот профессор, — наши взоры с надеждой обращены на Запад: мы ждем, что отсюда придет та животворящая сила, которая поможет нам, поверженным в прах, покрытым кровью и грязью, подняться на ноги и начать шествие к лучшему будущему».

Каково же это «лучшее будущее», которое выведет из крови и грязи Россию, в которые она попала во время революции?

Об этом профессор пишет дальше: «Грядущий с Запада капитал явится к нам конечно не с идеалистическими целями; в неисчерпаемых запасах русского сырья, в грандиозных залежах живой рабочей силы России он будет искать прежде всего источников возмещения за потери, причиненные ему только что пережитым мировым катаклизмом. Было бы наивно и бесполезно пытаться ставить преграды на пути движения этой грядущей силы; несет ли она России только рабство, или вместе с тем и зерно подлинного возрождения — все равно, приход ее неизбежен и *чем скорее он свершится, тем лучше*». [1]

Здесь, в этой статье, профессор высказывал совершенно открыто свои социальные взгляды. Их не нужно даже прощупывать, они открыто кричат о своей враждебности пролетариату. Но есть целый ряд других авторов-естественников, которые завуалировывают свои социальные взгляды естественно-научными «беспартийными» построениями.

Мы дальше разберем ряд различных теорий естественников *различных* специальностей. Но все они объединены одной *общей* установкой: апелляцией к *природе,* против социальной и технической реконструирующей деятельности пролетариата. С точки зрения этих теорий наша революция, наша социальная и техническая реконструкция *врывается* в естественный ход развития природы, направлена против природы с ее законами и потому обречена на неудачу — *природа возьмет свое.*

Все эти теории, порожденные классовым бытием, имеют своей теоретической предпосылкой метафизическое положение, *отрицающее развитие зáконов,* отрицающее *особое* содержание развития человеческого общества с его *особыми* законами и отрицающее то, что реконструирующая деятельность победившего пролетариата есть особая форма развивающейся материи, столь же *естественная,* сколь *естественны* и любые другие формы материи. Но ограниченному своим бытием кругозору буржуа и его идеологов эта деятельность пролетариата кажется чем-то *противоестественным.* Жить в согласии с «мудро устроенной природой» — этот лозунг французских материалистов, бывший некогда боевым лозунгом революционной французской буржуазии — теперь, в наших условиях *социалистической реконструкции,* является хвостистским и реакционным: бери то, что дает природа в готовом виде, и *измеряй* свои планы социальной и технической реконструкции аршином органических и неорганических законов. *Лучше природы не придумаешь.*

[1] Журнал „Природа", № 3 — 5 за 1922 г., стр. 73 — 74.

В качестве образца стоит прежде всего ознакомиться с ботанической книжкой проф. Любименко «Индивидуум и общество в растительном мире». [1]

Профессор Любименко хочет найти закон отношения индивидуума и общества, он хочет дать закон общественной жизни, которая с его точки зрения «вовсе не есть привилегия человека: она представляет собой мировое явление, одинаково важное для всех живых существ. В основе этого явления лежат чисто биологические законы и потому понятно, что проблема взаимоотношений между индивидуумом и обществом продолжает привлекать внимание биологов». [2]

Профессора Любименко как видите интересуют чисто биологические вопросы. Но он же не виноват, если исследуемая им биологическая проблема имеет «мировое» значение и охватывает собой не только растения, но и людей. Самого же профессора интересуют только растения. Но он не против того, чтобы его выводами пользовались и социологи: надо же посочувствовать последним. Ведь «. . .нельзя не заметить, что научное изучение человеческих общежитий ставит исследователю колоссальные трудности. . . Но помимо этой крайне трудной и сложной работы изучение человеческих общежитий встречается с новым препятствием, именно — с невозможностью поставить и систематически провести искусственный опыт с той или иной формой общежития, чтобы вскрыть ее достоинства и недостатки. Социологу поневоле приходится оставаться в роли простого наблюдателя, сопоставлять и анализировать только тот фактический материал, который дает сама жизнь, а такое положение не может не задерживать *прогресса науки*. . . Животные и растения более доступны для производства экспериментов, и потому изучение основных биологических законов общежития с этим материалом значительно облегчается». [3] Во имя прогресса науки проф. Любименко благосклонно разрешает социологам воспользоватся данными его биологической науки: «Можно надеяться поэтому, — пишет профессор, — что и социология в своем прогрессивном развитии использует тот материал, который она найдет в биологии». [4]

[1] В. Н. Любименко.— Индивидуум и общество в растительном мире. 1923 г. Изд. М. и С. Сабашниковых.
[2] Там же, стр. 5.
[3] Там же, стр. 6.
[4] Там же, стр. 6.

Какой же биологический материал приводит проф. Любименко? Прежде всего он дает определение общества:

«Обществом мы можем назвать *такое сочетание индивидуумов, которое не нарушает их самостоятельности*». [1] Наиболее чистым видом общества, по Любименко, является зооглея. Подталкиваемый чисто биологическим интересом, проф. Любименко дает рисунок зооглеи, подробно ее описывает и объясняет, что «зооглея является настоящим обществом; свобода и самостоятельность каждой отдельной бактерии в ней не нарушаются». [2]

Наш строй диктатуры пролетариата, где свобода и самостоятельность определенного класса «индивидуумов», буржуазных индивидуумов, именно «нарушаются», повидимому, согласно «материалов биологии», не является *настоящим* обществом. Так говорят биологические материалы, и проф. Любименко приходится только молчаливо это констатировать.

Но не кажется ли вам, товарищи, что изложение «материалов биологии», долженствующих по Любименко объяснить социальное отношение, само наоборот должно быть объяснено из социального отношения? Ведь Любименко принял буржуазное учение «свободного и самостоятельного общества», общества, как скопления независимых *личностей*, и совершенно понятно, что тогда наиболее *настоящим* обществом ему представляется *зооглея*. Он взглянул на бактерий глазами буржуа, считающего строй «свободных соревнователей» идеалом, поэтому зооглея представилась ему образцом чистого общества, и тогда он, обратно, самое общество определил «бактериологически». Биологизировав же социологию, профессор Любименко может далее социологизировать биологию. «Благодаря принципу разделения труда, — пишет он, — соматическая часть многоклеточного растения становится похожей на фабрику, где каждая группа рабочих имеет свою специальность и свою квалификацию». [3]

Но каков реальный смысл такой «социологизации»? Должна ли аналогия что-либо доказывать?

Весь смысл этой социологизации — в антидарвиновской установке, в отстаивании антидарвинистических взглядов на растение. Сравнение организма с фабрикой служит не только механистам, но и виталистам, с тою лишь разницей, что первые подчеркивают *техническую* сторону фабрики — *машинообразность*, а вторые — социальную *целесообразность*. Проф. Любименко и подчеркивает в организме целесообразность и план.

[1] В. Н. Любименко. — Индивидуум и общество в растительном мире, 1923. Изд. Сабашникова, стр. 7.

[2] Там же, стр. 8.

[3] Там же, стр. 11.

«Развитие любого высшего растения, — пишет профессор, — совершается по заранее строго определенному плану... Нам приходится допустить существование какой-то силы... Развитие почек дерева подчинено определенному *регуляторному началу*, которое с общественной точки зрения обладает прерогативами центральной власти. Со стороны этого начала как власти исходят импульсы, которые и определяют судьбу каждой почки». [1]

Регуляционные процессы в развитии растения, которые являются результатом *исторического действия естественного отбора*, выдаются проф. Любименко за результат особой, изначальной, действующей в организме разумной силы, обладающей «прерогативами центральной власти». И сколько бы проф. Любименко ни оговаривался что эта регулирующая сила найдет себе когда-либо материальное выражение, не трудно видеть, что «регулятивное начало», которое охраняет «целое» дерева, но не есть, само это целое, сила, «которая управляет развитием почек, как и развитием всего дерева», охраняя «внутреннюю гармонию построения», такая «сила» есть не что иное, как супранатуралистическая божественная энтелехия.

Проф. Любименко не зря сравнил организм с фабрикой. Организм ведь не только работает по плану, но у него, согласно Любименко, оказывается есть свой хозяин, отдающий целесообразные распоряжения и сдерживающий анархические тенденции побегов. Организм, по Любименко, — не просто фабрика, а частновладельческая фабрика.

Определив высшее растение, как по плану работающую, исполняющую задание фабрику с хозяином во главе, проф. Любименко далее переходит к растительным группировкам или «сообществам», как он их называет. Проф. Любименко ищет законы растительных сообществ. В качестве примера он берет сосновый бор. «В молодом насаждении, — пишет Любименко, — ясно диференцируются две группы индивидуумов: *господствующие и угнетенные*... Господствующие индивидуумы перехватывают свет, и угнетенным приходится расти в *тени крон господствующих. Понятно, что таким образом у угнетенных особей рост все более и более задерживается и они в конце-концов умирают от недостатка света*». [2]

[1] В. Н. Любименко. — Индивидуум и общество в растительном мире, стр. 20 — 23.

[2] Там же, стр. 32—34.

Нарисованная Любименко картина с полной очевидностью иллюстрирует дарвиновский закон естественного отбора более приспособленного. Но проф. Любименко с этим не согласен. Лишь «на первый взгляд, — пишет он, — такая картина развития сообществ весьма хорошо укладывается в схему дарвиновского представления об индивидуальной борьбе за место и пищу... Весь растительный покров земли является таким образом не простою смесью разных видов растений, постоянно борющихся и уничтожающих друг друга индивидуумов, как это можно было бы думать на основании схемы Дарвина, а гармоничным сочетанием разнообразных союзов или сообществ, члены которых приспособлены к совместной жизни...»[1]

Приписав Дарвину абсолютизирование *борьбы* и отрицание относительной взаимоприспособленности,[2] Любименко сам абсолютизирует гармонию. Но как же быть с упрямыми фактами: ведь сам Любименко говорит об угнетении и гибели менее приспособленных?

Но оказывается эта гибель есть подтверждение мудрой гармонии. Оказывается, что здесь идет не реальная борьба с победой одних и гибелью других, а жертвоприношение некоему мистическому «целому»: «те миллионы особей, которые погибают за недостатком места, по существу приносятся в жертву не интересам господствующих деревьев, а интересам соснового бора как целого».[3] Правда это плохое утешение для миллионов гибнущих растений, но такова уже логика виталиста Любименко, который хочет выгородить «господствующие» деревья и представить гибель миллионов растений, как прекрасную смерть во имя «целого».

Насколько эти рассуждения об интересах целого, стоящего над интересами как «господствующих», так и «угнетенных» деревьев, насколько эти рассуждения «подтверждаются» «ботаническими материалами», оставим это на совести ботаника Любименко.

Но не кажется ли вам, что весь ход рассуждения Любименко поразительно напоминает ход рассуждения меньшевиков, которые хотя и признают наличие классов и классовых интересов, но заявляют, что эксплоатация пролетариата капиталом идет не на обогащение капиталистов, а на процветание национального *целого*, и потому рабочие должны мирно приносить себя в жертву интересам этого государственного целого. Под лозунгом этого *национального целого* ведь буржуазия вела свою империалистическую войну. И не кажется ли вам, что самая «ботаническая» мысль о некоем целом, стоящем над интересами растений, имеет своим основанием отнюдь не ботанические материалы, а соответствующие социальные, классово-буржуазные установки? Не даром же болезненный процесс, нарушение ассимиляционно-диссимиляционной деятельности у растения, нарушение, выражающееся в росте водяных побегов, Любименко представляется в виде уничтожения регулятивного начала как центральной власти, представляется в виде *революции:* «рост побегов ничем не сдерживается, между ними возникает жестокая борьба, они душат друг друга, и в результате получается картина полной анархии»...[1] В результате же гибнут и сами эти побеги, гибнет и все дерево. И эти случаи «протекают в качестве болезненных процессов, которые по аналогии *можно сравнить с революцией*».[2]

В начале своей книги Любименко высказал надежду, что «и социология в своем прогрессивном развитии использует тот материал, который она найдет в биологии».[3] В конце книги он также пишет: «Из приведенных фактических данных вытекает, что социальные проблемы по существу суть проблемы биологического характера, и потому мы вправе искать биологических законов, которые управляют социальными явлениями человеческих общежитий, как и общежитий всяких живых существ. Систематическое наблюдение и производство экспериментов без сомнения — наиболее верный и наиболее надежный путь для отыскания этих общих законов. В этом отношении растительный мир является наиболее удобным и благодарным объектом для исследования. Нам остается только пожелать, чтобы он был использован с той энергией, которой заслуживает значение поставленных общественными науками социальных вопросов».[4]

---

[1] В. Н. Любименко. — Индивидуум и общество в растительном мире, стр. 34 — 40.

[2] Насколько это верно, каждый может решить, если вспомнит работу Дарвина „О приспособлении орхидных к оплодотворению насекомыми", где Дарвин доказывает, что взаимоприспособление есть реальный факт, который подтверждает, а не опрокидывает естественный отбор, так как естественный отбор с необходимостью создает приспособленность и, во многих случаях, создает специфицированную взаимоприспособленность.

[3] Там же, стр. 35.

[1] В. Н. Любименко — Индивидуум и общество в растительном мире, стр. 23.

[2] Там же, стр. 20.

[3] Там же, стр. 6.

[4] Там же, стр. 52.

Можно обнадежить проф. Любименко, что кое-какие социологи, а именно социологи буржуазии, безусловно используют приведенные профессором «фактические данные». Да и как их не использовать, ведь эти «данные» говорят сами за себя. Люди, — взывают эти «данные», — помните о тех законах, которыми должно управляться всякое нормальное общество. Не посягайте против центральной регулирующей силы — этого мудрого хозяина целого, бережно относитесь также к «верхнему ярусу». Иначе, свергнув его, вы вызовете анархию и сами погибнете, как погибают водяные побеги, восставшие против верхушечных почек и центральной регулирующей силы. Бойтесь больше всего революции. Ведь революция — это катаклизм, катастрофа, «болезненный процесс», который ведет к гибели всего целого.

Если же профессор Любименко *не хочет* давать «материал» буржуазным социологам, если он *не хочет* связывать свое имя и свою работу с «научными» подпевалами буржуазии, то профессор должен прежде всего *пересмотреть* свои теоретические установки, отбросить, как антипролетарский, метод социологизации биологических явлений и обратно, и решительно порвать с виталистической установкой на изначальную, внеисторически понимаемую целесообразность у растений и тогда и сами «материалы биологии» встанут перед ним в совершенно новом виде. Буржуазному социологу и биологу и просто буржуа уже нечем будет поживиться.

Мы привели то, что говорят «данные» ботаника Любименко, но может быть так рассуждают только ботаники?

Обратимся к другому небезызвестному ученому, физиологу — профессору Савичу. Возможно, что многие из вас знают его книгу «Основы поведения человека», но на сегодняшней нашей политической конференции нужно еще раз посмотреть, что из себя представляет эта книжка, имеющая на обложке маленький желтый орнамент. Я попытаюсь вам показать, что тут мы имеем дело не только с желтым орнаментом на обложке, тут мы имеем дело с насквозь желтой, даже более того, с черной, черносотенной книжкой, которая якобы должна просто отмечать независимое развитие научного знания. Савич развивает в этой книжке следующую теорию. Нужно всегда, говорит он, при любом условном рефлексе обращать внимание на идущий здесь же тормозной процесс. Если будет сорван тормозной процесс, то будет общее иррадиированное возбуждение и иррадиированная хаотическая реакция. Развивая свою точку зрения, он заявляет далее следующее:

«Мы видим, что для точного соотношения условиям реальной жизни требуется определенное взаимодействие между торможением и возбуждением, только при известной гармонии между ними и возможна точная реакция. Всякое превалирование одного процесса над другим неизбежно ведет к более или менее неправильным ответам, к хаотической реакции. *Отсюда вытекает, что точного отношения к действительности не может быть без участия торможения. Концентрации* возбуждения, как самостоятельного процесса, не существует вовсе. Концентрированное возбуждение есть следствие совместного действия обоих процессов (Фурсиков, Розенталь). Этот факт должен лечь в основу педагогики. *Выработка торможения должна быть одной из существенных задач воспитания.* Как раз в первые времена революции очень грешили против этого правила и это вело поэтому к нервным заболеваниям среди молодежи. Жизнь требует сильных тормозов и смолоду надо исподволь их вырабатывать. Поэтому в школе необходимо людей готовить к жизни, а не предаваться бессмысленным мечтаниям, которые неизбежно кончаются калечением молодых сил. Ведь в конце концов придется выработать тормоза, а никакой предварительной подготовки их не было. Недостаток в тренировке тормозных процессов всегда проявит себя. В известных условиях все как будто бы идет хорошо. А при общем подъеме, при усилении процессов возбуждения, тормозов уже нехватит. Субъект может с грехом пополам справляться с постоянным нарастанием процесса возбуждения, но его совершенно нехватит при маломальски серьезных требованиях на торможение. В результате — срыв нервной системы и психоневроз. Оттого всегда повышается заболеваемость нервным расстройством во времена общественных треволнений, когда возбуждение нарастает и не всегда может быть скомпенсировано соответствующим усилением тормозного процесса. Вообще выработка торможения — далеко не легкая задача. А между тем *цивилизация в сущности сводится к усилению тормозов*». [1]

Еще дальше он говорит: «Таким образом экспериментально подчеркивается важность постепенной нагрузки. Постепенный подход требует времени и времени». [2]

Что же у нас в СССР происходит?

«К сожалению сейчас в проблемах нашего образования элементу времени отводится мало, слишком мало внимания,

[1] Проф. В. В. Савич. — Основы поведения человека. Изд. 2-е, стр. 28 — 29.

[2] Там же. Изд. 2-е, стр. 29.

словно всякая ударная задача может быть решена штурмовым натиском, и поэтому всего можно достичь сразу по щучьему велению, по своему хотению. А в итоге с предъявленными трудностями справляются только те, кто является весьма одаренными натурами, да и то не легко. Середняк же жестоко расплачивается. Чем добросовестней хочет он «грызть гранит науки», тем скорее развиваются неврозы. Слабые вовсе отстают, часто обратившись предварительно в неврастеников, истеричных и т. д. Понятно, что раздается плач о низкой квалификации спецов. Ведь даже у собак с мозгом гораздо менее сложным непосильная задача сбалансирования процессов торможения и возбуждения выводит из состояния равновесия длительно, на многие недели».[1]

Рабфаковец в 3 года «сгрызает» гранит среднего образования. Во всем нашем строительстве мы взяли твердый курс пройти 100 лет в 10. Но оказывается, что наши темпы не согласованы с законами физиологии, которые были установлены Савичем на изучаемых им собаках. Повидимому Савич считает, что у собак может быть целеустремленность соцсоревнования, которая вырабатывает соответствующую активность энергии. Вернее же профессор Савич отождествляет революционных рабочих с собаками, пытаясь физиологически «обосновать» и навязать рабочим собачью ограниченность. Но этим не ограничивается профессор Савич. Ударив по нашим темпам, указав, что кроме прорывов здесь ничего быть не может, что мы людей калечим, он еще дальше углубляет свою теорию. «В свое время, — пишет Савич, — был выброшен лозунг — «бей городовых». Против этого лозунга возражает профессор Савич. Само собой понятно, что проф. Савич возражает не потому, что он просто любит городовых, а потому, что этот лозунг не согласовывается с его теорией. Лозунг «бей городовых» идет из одного и того же источника — «долой все тормоза, долой все препоны!»[2] А так как на «тормозах держится цивилизация» (держи и не пущай!?), то проф. Савич ратует за то, чтобы созданы были тормоза: не смей бить городовых!

Устанавливая тип физиологически нормального человека, проф. Савич пишет:

«При сильных преобладаниях пищевых реакций, в период голодовок, вся энергия идет исключительно на поиски куска хлеба; одичание доходит даже до извращения материнской реакции. Вот что заставляет заботливо относиться к накоплению запасов. А для этого требуется умение обуздать себя, держать себя в руках. И мы видим, как нарождается тип *предпринимателя, торговца*, крепкого мужика, в роде Хоря Тургенева, бережливый, умеренный, трудолюбивый, сдержанный, смекалистый».[1] Такой тип людей любит проф. Савич. Такой тип людей нравится проф. Савичу потому, что такой тип обладает всем необходимым для процесса торможения. А вот есть люди, которых не любит проф. Савич. Есть люди, которые ему не по нутру:

«У евреев, — пишет профессор, — не взирая на их сильную сексуальность, теперь агрессивный тип относительно редок... Пассивный элемент еврейства в значительном числе под ударами воинствующего христианства исчез. Оставался главным образом активный тип, но *убегательного характера*... Среди народа, лишенного агрессивного элемента, легко развивается нахальство, как своего рода мимикрия агрессивности и храбрости, и оттого оно обычно сильно импонирует женщине. Нахальство отличается от храбрости тем, что всякий отпор быстро вызывает убегательную реакцию, а не борьбу».[2]

Как вы видите, товарищи, это не желтая книга, а это — черносотенная махровая книга. Она реакционна даже по сравнению с теми принципами, которые выдвигает буржуазия, как якобы прогрессивные. В свое время буржуазия выдвигала принцип равенства женщин и т. п., так вот Савич — против этого. Он считает, что с точки зрения физиологии равенства женщин с мужчинами не может быть: «У женщины главные интересы прикованы к семье. Оттого все связи образуются с определенным уклоном в эту сторону. У мужчин, и вообще у самцов, наблюдаются большие иррадиации агрессивности».[3] Если, женщина, тебе это не нравится, — жалуйся на бога, который так тебя устроил.

Вся эта книга кончается интереснейшим заключением, подводящим итоги всему ее содержанию: «Отсутствие общепринятых норм ведет к разного рода эксцессам, следовательно является причиной гибели очень многих: ведь каждому надо войти заново в правильные отношения с внешней средой, задача же эта значительно облегчается традиционными навыками. При их крушении непременно будут выхо-

[1] Проф. В. В. Савич.— Основы поведения человека. Изд. 2-е, стр. 30
[2] Там же. Изд. 2-е, стр. 33.

[1] Проф. В. В. Савич.— Основы поведения человека. Изд. 2-е, стр. 115.
[2] Там же, стр. 106.
[3] Там же, стр. 86.

дить лишь из сознания, из навыков, образованных путем условных комбинаций, не проверенных опытом жизни. Когда сознание пытается создать быт, — добром не кончается: это — постройка на песке».[1] Наша стройка кажется Савичу стройкой, основанной на непроверенных опытом жизни условных рефлексах, а не на единственно научном, марксистско-ленинском учете развивающихся в борьбе классов сил социалистического производства, а отсюда вывод — добром это не кончится. Это — «постройка на песке», говорит он и кончает евангельским стихом: «и придут бури, и подует ветер, и будет тогда падение такое великое».[2]

Сам Савич представляет дело так, что его любовь к городовым, к кулачкам, к капиталистам и нелюбовь к евреям — все это исходит из теории, но ведь мне кажется, вдумавшись в это, не трудно вскрыть, что вся его теория, самый его метод подмены социального биологическим, человеческого — собачьим, вытекает из определенной классовой установки, из желания во что бы то ни стало «обосновать» и оправдать «традиционные навыки» капитализма. Савич фактами действительности вынуждается признать наличие и других типов, например пролетарских революционеров, но тогда он последних объявляет *патологическими* типами, объявляет людьми с сорванными тормозами и с хаотической реакцией. А так как *мерой* нормального Савич берет внесоциальное, к тому же еще даже внестадное, животное — собаку, то понятно, что он получает некоторое «основание» считать наиболее близкими к этой нормали кулака. Ведь пословица homo homini lupus est (человек человеку — волк) относится вовсе не к «человеку» вообще, а к представителю капиталистической конкуренции, к рвачу-капиталисту.

Я приведу вам еще одну иллюстрацию, в которой выступает враждебное пролетариату классовое лицо; приведу еще одну теорию, также апелирующую к *«природе* человека».

Вот перед вами книжки «Известия бюро по евгенике», изданные «Комиссией по изучению естественных производительных сил России» при Академии наук.

Здесь проф. Ю. А. Филипченко и целый ряд других ученых статистически исследуют проблему талантливости людей, их способность к научной работе. Они пытаются *биологическими* методами разрешить проблему кадров.

---

[1] Проф. В. В. Савич.— Основы поведения человека. Изд. 2-е, стр. 65.
[2] Там же, стр. 165.

Проблема кадров — одна из самых острых у нас сейчас проблем. Нам нужно сейчас, привлекая к себе массу старой интеллигенции, приступить немедля к созданию своей массовой пролетарской интеллигенции, как указал в своей известной речи т. Сталин. Поэтому научные труды, затрагивающие эту проблему, сейчас приобретают для нас особенный интерес. Чрезвычайно интересна поэтому и работа Ю. А. Филипченко, посвященная вопросу об интеллигентских кадрах.

Для того, чтобы заниматься научной работой, — рассуждает проф. Филипченко, — нужно иметь известные способности, известный талант. А так как такие способности, такие таланты наследственны, передаются от предков к потомкам, то надо найти такие талантливые роды с талантливыми генами (зачатками) и стараться их всячески размножить, и таким образом талантливое семя взойдет огромным всходом. Усиленно плодить и размножать людей с талантливыми зачатками — таков биологический рецепт, предлагаемый Филипченко, проф. Кольцовым и другими представителями евгенической науки, которая должна, согласно словам ее представителей, улучшить человеческий род через улучшение людской породы.

Итак проф. Филипченко заботится лишь об увеличении талантов. Ничего кроме похвалы повидимому профессор за такую заботливость не заслуживает. Но для того, чтобы таланты размножать, надо ведь их предварительно найти, или же указать, где их искать. Поэтому проф. Филипченко предпринимает обследование генеалогий различных групп научных работников, вплоть до академиков. И что же оказывается? Оказывается, что род ученых в большинстве случаев состоит из людей «интеллигентских профессий». Ученых выходцев из народа оказывается очень мало. Основным поставщиком ученых является интеллигенция. «На одного Ломоносова — пишет проф. Филипченко, — приходится не один даже десяток высокоодаренных лиц, вышедших из недр интеллигенции».[1] Интеллигенция таким образом оказывается носителем тех зачатков, соединение которых имеет наибольшие шансы производить таланты.

Какие же «интеллигентские профессии» оказались у пред-

---

[1] Ю. А. Филипченко.—Интеллигенция и таланты. Известия бюро по евгенике, № 3. 1925 г., стр. 95.

ков обследованных Филипченко ученых? Какие социальные слои являются по Филипченко максимальными поставщиками талантов?

Приведем опубликованные им таблицы, которые должны сильнее и нагляднее нежели любые рассуждения дать ответ на поставленный вопрос.

Среди обследованных Филипченко отцов ученых оказалось:[1]

чиновников, служащих	18,2%	60 чел.	медиков	6,7%	22 чел.
купцов, фабрикантов	13%	43 „	ученых	5,5%	18 „
педагогов	10,6%	35 „	литераторов, художников, музыкантов	3,3%	11 „
военных	9,4%	31 „	техников, ремесленников, рабочих	2,7%	9 „
духовенства	8,8%	29 „			
помещиков-земледельц.[2]	7,9%	26 „			

Среди отцов выдающихся ученых оказалось:[3]

Профессия:				Сословие:	
ученых	8	помещиков-земледельцев[2]	3	дворян	22
педагогов	7	врачей	3	духовного звания	13
военных	7	техников, ремесленников, рабочих	2	крестьян	7
купцов, фабрикантов	6	юристов, общественных деятелей	1	мещан	5
духовенства	5			купеческого звания	3
инженеров	4				
чиновников, служащих	4				

Среди отцов академиков оказалось:[4]

военных	23	помещиков	20	инженеров	8	юристов	3
чиновников служащих	22	ученых	13	врачей	6	крестьян	3
духовенства	21	педагогов	9	художников, литераторов, музыкантов	4	техников	2
		купцов	8			**рабочих**	0

Сословие отцов академиков:[5]

дворян	82	купеческого звания	8
разночинцев	32	мещан	3
духовного звания	22	крестьян	3

---

¹ Известия бюро по евгенике, № 1, 1922 г., стр. 12.

² Повидимому проф. Филипченко было неизвестно, что помещики никогда не были „земледельцами“, а были землевладельцами. Если же здесь речь идет о действительных земледельцах-крестьянах, то более чем странно объединение в одной рубрике эксплоататоров и эксплоатируемых.

³ Известия бюро по евгенике, № 1, 1922 г., стр. 28.

⁴ Изнестия бюро по евгенике, № 3, 1925 г., стр. 35.

⁵ Там же, стр. 32.

Филипченко приводит также данные об отцах жен академиков:[1]

помещиков	17	инженеров и агрономов	6	музык. и литерат.	5
чиновников	13	врачей	6	духовных	4
купцов и фабрикантов	9	педагогов	5	крестьян	3
военных	8	ученых	5	ремесленн.	1
				рабочих	0

Отцы жен выдающихся ученых:[2]

чиновников	8	педагогов	4	художников - музыкантов	2
военных	6	врачей	3	**техников - ремесл.- рабочих**	2
фабрикантов	5	юристов	3		
помещиков	5	литераторов	2		

Отцы жен просто ученых:[3]

купцов-фабрикантов	33	помещиков	17	юристов	7
чиновников - служащих	30	деятелей искусства	15	агрономов	5
военных	20	медиков	12	ученых	5
духовных	19	педагогов	11	**техников - ремесл.- рабочих**	3
		инженеров	7		

Приведя все эти данные, проф. Филипченко заключает: «Таким образом мы видим из этих таблиц, что как сами ученые, так и их супруги, в громадном большинстве происходят из интеллигентской среды».[4] «Жены академиков, — пишет далее профессор, — происходят как и сами академики из высоко культурной среды, почему мы вправе ожидать и у них выдающихся родственников».[5]

Мы видели, какие «интеллигентские профессии» в действительности преобладали в среде, из которой произошли обследованные Филипченко ученые и их жены: 82 дворянина, 33 купца, 29—19 попов, 26—17 помещиков и т. п., а среди них на окраине колонки бедно приютились 2-3 крестьянина и возможно парочка-другая рабочих, смазанная к тому же общей номенклатурой — «техники, ремесленники, рабочие», а то и совсем «0» рабочих. Вот следовательно кто является наиболее массовым поставщиком талантов, вот в какой среде кроются в наибольшем количестве зачатки талантливости, вот где генотипический фонд ученой способности, вот из какой «высоко культурной среды мы в праве ожидать выдающихся родственников». Беспартийные цифры это наглядно доказывают, и профессору Филипченко остается лишь молчаливо их демонстрировать.

---

¹ Известия бюро по евгенике, № 3, 1925 г. стр. 55.

² Там же, № 1, 1922 г., стр. 28.

³ Там же, № 1, 1922 г., стр. 13.

⁴ Там же, № 1, 1922 г., стр. 13.

⁵ Там же. № 3, стр. 56.

Более того проф. Филипченко даже пытается несколько смягчить эту печальную для пролетариата и крестьянства статистическую картину: «Среди представителей решительно всех классов общества, — пишет профессор, — рассеяны те наследственные зачатки или гены, на языке современного учения о наследственности, от счастливого сочетания или комбинации которых зависит и большая интеллигентность их обладателя».[1] «Принципиально каждый класс общества может принимать в ее (интеллигенции. И. П.) образовании одинаковое участие».[2] *Принципиально* это Филипченко допускает, но *фактически* «у громадного большинства представителей каждого общественного класса эти зачатки встречаются в разрозненном, рассеянном виде, и той комбинации их, которая нужна для занятий какой-либо из интеллигентских профессий, не получается».[3] Поэтому хотя в отдельных, исключительных случаях, пролетариат и крестьянство и пополняют ряды интеллигенции, но для этого нужно исключительное стечение обстоятельств, статистически очень слабо вероятное. Огромное же, преобладающее большинство рабочих и крестьян не обладает необходимыми биологически наследственными зачатками для того, чтобы заняться «интеллигентскими профессиями», и обречено на довольно бесперспективную участь работать руками, оставляя привилегию умственной деятельности для «потомства тех, у кого уже произошло известное скопление нужных для этого наследственных задатков».[4]

Но если такие непроходимые биологические трудности лежат у пролетариата и крестьянства на пути к «умственной работе» вообще, то несравненно большие трудности того же биологического порядка отделяют их от возможности заняться *научной* работой. Правда и здесь Филипченко *принципиально* не отрицает этой возможности: «Мы не отрицаем, — пишет он, — возможности перехода представителя периферического сектора нашего круга сразу в самый его центр (научные работники, таланты. И. П.), но, — здесь же продолжает Филипченко, — считаем подобный случай чрезвычайно редкой и исключительной возможностью. Напротив и здесь нормальным путем будет переход из периферического сектора в более широкий круг интеллигенции, а оттуда через 2-3 поколения перемещение потомка одного из многих рядовых интеллигентов в центральный сгусток».[1]

[1] Статья „Интеллигенция и таланты". Известия бюро по евгенике, № 3 стр. 88.
[2] Там же, стр. 89.
[3] Там же, стр. 88.
[4] Там же, стр. 95.

Исключением из биологического правила является для пролетария возможность заняться «интеллигентской профессией». Исключением же, да к тому же еще неизмеримо большим, является возможность для него заняться научной работой. Лишь при исключительно счастливой случайности, попав в ряды интеллигенции, отпрыск пролетария через 2-3 *поколения* (т. е примерно к 15-й пятилетке) получает некоторые шансы попасть в «центральный сгусток», как именует Филипченко ученых. Как правило, ученые, по Филипченко, происходят лишь от людей «интеллигентских профессий».

Статистические данные обследования ученых, выдающихся ученых, академиков, привели Филипченко к выводу, что максимум талантов находится в зачатках *уже наличествущей* интеллигенции и лишь в искючительных случаях отдельными разбросанными точками эти зачатки кое-где есть и в народе.

Ну, а если нам, чтобы построить социализм, нужно создать в кратчайший срок свой огромный массив *пролетарской* интеллигенции, если нам нужны *массовые* кадры своих пролетарских ученых?

Что же поделать, биология, объективные законы природы повидимому против большевистских лозунгов, против построения социализма, — так говорят данные, приводимые Ю. А. Филипченко и его соратниками по евгенической работе.

Но так ли уж «объективны» и «беспартийны» данные, приводимые Филипченко, и все его построение в целом?

Попробуем разобраться. Прежде всего чрезвычайно показательно, что, приступая к обследованию «выдающихся ученых», проф. Филипченко не взял за основу деления ученых на группы список, «который был утвержден в Москве»,[2] а разработал этот список «для себя».[3]

Далее каков же общий ход рассуждения и доказательства, выдвигаемый Филипченко?

Весь ход доказательства, приводимый Филипченко, сводится к тому, что у ученых гораздо больше «интеллигентских» предков, нежели в рабочей среде, и из этого делается вывод, что *основанием* этого является «nature» (природа) — а не «nurture» (воспитание). Филипченко вслед за Пирсоном

[1] Статья „Интеллигенция и таланты". Известия бюро по евгенике, № 3, стр. 94.
[2] Известия бюро по евгенике. № 1, стр. 23.
[3] Там же.

развивает ту мысль последнего, что «средние классы благодаря длинному периоду подбора и избирательного скрещивания производят сравнительно с рабочим классом гораздо более значительный процент талантов; в основе этого различия лежит не недостаток образования, а *недостаток породы*». [1] Для доказательства этого положения Филипченко и приводит цифры ученого родства, ищет у ученых ученых же родственников и интеллигентов вообще.

Правда это не всегда профессору Филипченко легко удается. Так например у академика Н. С. Курнакова не оказалось талантливых ни братьев, ни сестер, ни отца, ни матери, ни деда или даже бабки с талантом. Зато «у академика Н. С. Курнакова сын сестры бабки по матери — химик В. В. Марковников». [2] Как мы видим, хоть не особенно близкий, но все же родственничек, а главное — химик. Или вот у В. И. Вернадского «дед врач и *массон*», [3] — как же это не признак наследственности таланта?

Если Филипченко приводит «сына сестры бабки по матери», то его соратник академик Кольцов идет еще дальше в глубь и в ширь истории в поисках породистого родства у ученых: «Общественное родословное дерево Ч. Дарвина через Пенелопу Фолей, *принадлежавшую к семье крупных железнодорожников*, среди многих сотен имен включает все крупные династии средних веков — всех французских королей, начиная с Пипина, нормандских герцогов, англосаксонских королей, саксонский дом и т. д. Здесь и Фридрих Барбаросса и Вильгельм Завоеватель и др.». [4]

Трудно приходится нашим ученым: чтобы доказать благородное происхождение таланта — приходится копаться вплоть до средних веков и даже древней русской истории. Но зато какой улов, какие имена: «в числе предков Ч. Дарвина значится и жена Генриха I французского Анна Ярославна... Если мы допустим, что у человека широко распространено явление перекреста хромозом по Моргану, то вероятность прямой связи между Чарльзом Дарвином и Ярославом Мудрым отнюдь не исключена». [5] Да что там Ярослав, хотя и Мудрый, ведь это пустяки среди англосаксонских королей, французских королей и самого Пипина да еще Короткого.

Профессор Филипченко и Кольцов пытаются доказать, что:

1) большинство ученых имеет ученых предтеч, является отпрысками так сказать родовой учености, и

2) что социальным центром, где *наиболее* сгущена эта родовая ученость, являются высшие «интеллигентные» классы, а отнюдь не трудящиеся.

Но если широко и глубоко копаться в родословной любого ученого, то конечно где-нибудь в роду какую-нибудь выдающуюся личность найдешь. Все люди родственники в какой-то степени Аристотелю и Спинозе, и поэтому можно, *при безмерных методах счета родства* «доказать» про любого человека, а не только про ученого, что в его роду кроется ученая предрасположенность. В чем проф. Филипченко действительно прав, так это в утверждении, что большинство ученых *до сих пор* происходило от предков высших «интеллигентских» профессий, *а не от трудящихся*. Это действительно верно, против этого не возразишь. Но сделать отсюда вывод, что и *в дальнейшем* трудящиеся классы лишь в отдельных исключительных случаях могут выдвигать ученых — это значит стать на формально логическую точку зрения. Филипченко строит следующий силлогизм:

Все (огромное большинство) до сего времени бывшие ученые происходят не из трудящихся. Некий будущий *X* является ученым. *X* будет происходить не из трудящихся.

Как мы видим, этот силлогизм сугубо формален, так как он берет ученых *вне времени*, вне социально-классового строя. Конечно большинство ученых при *капиталистическом* строе произошло не из трудящихся. Но значит ли это, что всегда и *в дальнейшем* так будет?

Нет, проф. Филипченко, к сожалению для вас, «все течет, все изменяется», и при строе социализма действует совершенно другой *закон* происхождения интеллигенции. Этот закон, как и все в мире, *историчен*, и наш строй социализма, приближая к себе и перерабатывая основные массы *старой* интеллигенции, в дальнейшем создает *свою* массу *пролетарской* интеллигенции, «способной отстаивать его интересы, как интересы господствующего класса» (Сталин). То, что в прошлом огромное большинство интеллигенции вообще и ученых в частности рекрутировалось из «интеллигентских» же слоев, это объясняется законом феодального и *капиталистического строя*, не допускавшего массы крестьянства и

---

[1] К. Пирсон. — Грамматика науки. Изд. „Шиповник", стр. 549. — (Подчеркнуто мной. *И. П*).

[2] Известия бюро по евгенике, № 3. 1925 г., стр. 41.

[3] Известия бюро по евгенике, № 3. 1925 г., стр. 40.

[4] Н. К. Кольцов. — Генеалогия Ч. Дарвина и Ф. Гальтона — Русский евгенический журнал, т. I, вып. I. Госиздат, 1922 г., стр. 69.

[5] Там же.

пролетариата к «умственной» деятельности. Проф. Филипченко говорит, что «на одного Ломоносова... приходится не один даже десяток высоко одаренных лиц, вышедших из недр интеллигенции». Это верно. Но и Ломоносову не видать бы ученой деятельности, если бы ему не удалось обманным путем прорвать социальную преграду к учености. Чтобы быть принятым в славяно-греко-латинскую Московскую академию, Ломоносову пришлось скрыть свое крестьянское происхождение и показать, что *он сын холмогорского дворянина*, так как указом синода от 7 июня 1728 г. предписывалось: «помещиковых людей и крестьянских детей, также не понятных и злонравных (от учения), отрешить и впредь таковых не брать». Позднее, чтобы попасть в участники экспедиции на Восток, Ломоносову опять пришлось в ставленическом столе показать, что «отец у него города Холмогора церкви введения богородицы поп Василей Дорофеев».[1]

То, что характерно и является производным лишь определенной общественной эпохи феодализма и капитализма, создававших определенную картину социального происхождения интеллигенции, Филипченко возводит во всеобщее, *внеисторическое*, и тогда, понятно, он малое количество выделения ученых из среды трудящихся может выдать за нечто биологическое, за *недостаток породы*.

Логика Филипченко — формальная логика, исходящая из принципа: «так было, так будет»; но эта логика давно уже бита диалектикой жизни, битой она оказывается и в данном случае. Филипченко считал, что все таланты сосредоточены в недрах «интеллигентских профессий», что талант в среде трудящихся — это редкое исключение, мало вероятное явление. А тов. Ленин писал, что «талантов в народе, т. е. среди рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян, — масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть — мы. Но мы этому научимся, если примемся со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, учиться этому».[2]

И мы этому серьезно, хотя все еще недостаточно, научились настолько, что уже сейчас, в начале массового развертывания этого участка строительства, строительства своей пролетарской интеллигенции, мы можем *фактами, практикой* проверить «теорию» Филипченко, Кольцова и иже с ними,

[1] Меньшуткин. — Михайло Ломоносов — жизнеописание. 1911 г., стр. 10 и 12.
[2] Ленин. — Собр. соч., т. XV, стр. 212, изд. 1-е.

утверждавших биологическую неполноценность пролетариата. Многие тысячи рабочих-изобретателей, большие кадры уже подросших пролетарских ученых, сплошные массы рабочих-большевиков, овладевающих технической и другой наукой, дают достаточно точную и яркую проверку «биологическим» построениям Филипченко.

Проф. Филипченко занимался теоретическим разрешением проблемы интеллигентских кадров. Какова же классовая практическая подоплека его теоретических построений — не трудно видеть. Филипченко хотел биологически «обосновать» лишение прав трудящихся на интеллектуальную деятельность. Мы видели, какова социально-классовая принадлежность тех «интеллигентских профессий», которые, согласно недвусмысленно выставляемым проф. Филипченко на показ цифрам, должны наглядно демонстрировать, в каких классах кроется максимальное богатство интеллигентского генофонда. Понятно с каким вниманием должен отнестись Филипченко к *биологическому размножению* «интеллигентских слоев», ведь они являются с его точки зрения носителем ценнейшего генофонда и потому единственным рассадником талантов: массовое размножение талантов и ученых способностей возможно только через усиленное биологическое размножение буржуазной интеллигенции. И что же оказывается? Оказывается, что на этом участке неблагополучно. Культура и таланты буржуа и буржуазной интеллигенции рискуют потонуть в море быстро размножающейся пролетарской, «неинтеллигентской» породы:

«Не лишено глубокого интереса, — пишет проф. Филипченко, — что согласно данным Штейнмеца в Голландии среднее число детей теперь равно у *рабочих и крестьян* 5,4 на семью, а у наиболее выдающихся ученых и артистов всего 2.6 на семью, или что в Париже теперь в среднем семьи рабочих имеют несколько больше трех детей, а семьи врачей несколько меньше двух и т. д. и т. д.»[1] «Еще заметнее влияет культура на подбор плодовитости, изменяя и притом в явно неблагоприятную сторону его общее направление. В прежнее время чем человек был сильнее, крепче, вообще чем больше он выдвигался над общим уровнем, тем больше, как общее правило, он оставлял детей. Напротив менее преуспевающие члены общества оставляли в силу этого меньше потомства».[2]

[1] Ю. А. Филипченко. — Пути улучшения человеческого рода — евгеника. 1921 г., стр. 131.
[2] Там же, стр. 142.

«Все это сильно изменилось за последнее время, — горестно вздыхает Филипченко, — и мы видим зачастую как-раз обратное: чрезвычайно малое число детей именно у тех, кто особенно высоко поднялся над общим уровнем и чьи наследственные задатки как-раз было бы особенно выгодным передать возможно большему числу детей... По данным Каттеля у тысячи американских ученых в 1914 г. на семью приходилось тоже (как и у французов) 1,5 ребенка в среднем, и ту же самую цифру установил Вебб для представителей различных интеллигентных профессий в Англии, тогда как в рабочей среде там же среднее число детей было выше 5 на семью... Совершенно ясно, что если дело пойдет так и дальше, если будут наиболее слабо размножаться *лучшие элементы* и гораздо сильнее *худшие*, то это быстро приведет к понижению общего уровня данного народа». [1]

Интеллигенция слабо размножается, «добрая треть наших академиков не озаботилась о передаче своих ценных наследственных зачатков потомству», [2] рассадник талантов — интеллигенция — иссякает, «худшие элементы» нации, рабочие и крестьяне, усиленно размножаются и грозят вытеснить ее «лучшие элементы», надвигается «худшее из зол, могущее постигнуть нацию», [3] нельзя сидеть спокойно, нужны срочные меры! — бросает в мировой эфир сигналы SOS проф. Филипченко.

И он срочно вырабатывает меры спасения. Нужна количественная и качественная политика населения. Нужна «поддержка размножения интеллигенции со стороны государства... чисто государственными мерами для поддержания достаточного количества как рядовой интеллигенции, так и ее высоко одаренного ядра». [4] «Нужно поощрение размножения интеллигенции». [5]

Биология — на фронт борьбы с «худшими элементами нации» — выбрасывает лозунг проф. Филипченко. Решать проблему кадров так, как это нужно буржуазным устремлениям Филипченко, — вот практический лейтмотив казалось бы чисто теоретической его работы.

Ну, а мы эту проблему будем решать по-своему, по-пролетарски. И в этой имеющей мировое значение, захватывающей работе с пролетариатом идут массы переварившейся в котле социалистической стройки старой интеллигенции, связывая свою судьбу с судьбой пролетариата и отбрасывая как сопревший мох зловонного капиталистического болота похоронные идеи проф. Филипченко и прочих...

Насколько позиция Филипченко диктовалась теоретическими интересами или классовой установкой, — это я думаю вам совершено ясно.

Но может быть классовая борьба находит свое отражение в научной литературе, но она совершенно не захватывает учебную литературу?

Сейчас я и хочу обратиться к некоторым книгам из области учебной и методической литературы.

Первая из этих книжек является книжкой, в которой казалось бы классов и классовой борьбы быть не может. Эта книжка называется «Игра и труд». Автор — *Соколов*. Хорошая книга: тут тебе труд, тут тебе игра. Книжка написана для воспитания детей младшего возраста.

В этой книжке мы находим и про Зину-санитара, и как Сережа собирается в школу, но на ряду с этим там имеются и такие вещи, которые я позволю себе вам прочесть. Между прочим книга эта написана в 1930 г., т. е. когда правительство наше стало реализовать лозунг — во что бы то ни стало усилить производство мяса, выдвинуть задачу сделать свинью нашей главной «фабрикой» по производству мяса.

И вот в 1930 г. этот Соколов пишет о свинье. Заголовок — «Хавронья». «Грязна наша Хавроньюшка, грязна и обжорлива: все жрет, все мнет, об углы чешется, лужу найдет, как в перину прет, хрюкает, нежится. Рыло у Хавроньюшки не нарядное, в землю упирается носом, рот до ушей, а уши словно тряпки болтаются; на каждой ноге по копне, а ходит — спотыкается. Хвост у Хавроньюшки винтом, хребет горбом, на хребте щетина торчит» и т. д. и т. п.

Совершенно понятно, что если после этого наши ребята попадут в свиноводческий совхоз, и рабочие подведут их к тем свинарникам, где отнюдь нет грязи, то наши ребята пожалуй не признают свинью, так как скажут, что здесь же нет на каждой ноге по копне, грязи и луж, хвоста винтом и хребта горбом. Все это по-старинке писано Соколовым по Ушинскому из «Родного слова».

Дальше товарищи. Май месяц... Праздник Первого Мая. Ребят настраивают соответствующим образом к майскому

---

[1] Ю. А. Филипченко. — Пути улучшения человеческого рода — евгеника, стр. 142 — 167.
[2] Известия бюро по евгенике, № 3, стр. 48.
[3] Пути улучшения человеческого рода — евгеника, стр. 167.
[4] Известие бюро по евгенике. № 3, Интеллигенция и таланты, стр. 95.
[5] Там же, стр. 96.

празднику. Как же этот праздник изображен в книге Соколовым? — «Праздник светлый и свободный, славься, первый майский праздник!»

Чуть ли не «христос воистину воскресе, славься, славься, светлый день».

Праздник наш международный
Городов и деревень!
Нынче отдых всем усталым —
Праздник свой справляет труд,
Оттого-то с флагом алым
И рабочие идут.[1]

Рабочие свободны, идут веселые, с алыми флагами, все очень хорошо на этом международном празднике отдыха. А то, что Первое Мая — праздник борьбы, а отнюдь не праздник цветов и всеобщего примирения, — это не отмечается. Советский педагог Соколов должен бы об этом знать на 13-м году революции. Ведь газеты-то он читает, а если не читает, зачем берется учить ребят? Какое он имеет право делать это? Я не знаю, сознательно это писалось или нет, «объективно» или «субъективно», но ведь все же за такого рода вещи будут аплодировать все социал-демократы, все социал-фашисты, которые говорят рабочим по поводу 1 Мая: на улицу, пожалуйста, идите и даже можете взять флаг, но бороться — не годится. Ведь 1 Мая — Праздник Труда, успокоения и т. д. Безусловно стих про 1 Мая у Соколова — желтенький стих. И такой стих преподносят нашим ребятам. Это тем более плохо, что ребята-то в этом разобраться не могут. Они вынуждены глотать то, что им преподносится.

Тот вывод, к которому мы должны притти, должен быть таков: здесь классовый враг пробивает себе дорогу, несмотря на жестокую, железную, твердокаменную диктатуру пролетариата. Классовый враг находит лазейки через теории, через книжки.

Классовый враг находит себе лазейки и через методические работы.

Область воспитания и образования также является ареной классовой борьбы.

Вот например мы имеем книжку Ульянинского — «Методика естествознания в трудовой школе».

Что же из себя представляет само воспитание по Ульянинскому?

[1] К. Н. Соколов.—Игра и труд, первая книга. Изд. 10, переработанное. 1930 г., стр. 135.

«Воспитание ставит своей целью развитие природных физических и психических свойств человека путем длительного и планомерного развития их в процессе целесообразного воздействия одного человека (одних людей) на другого человека (других людей)».[1]

Товарищи, подчеркиваю «целесообразного воздействия». А мне остается неясным: ликвидация кулачества как класса в период охвата деревни колхозами — это *целесообразное* воздействие одних на других или нет? Нечего писать о целесообразности воздействия. А расскажи лучше нам, Ульянинский, классовым языком, *о какой* целесообразности ты говоришь. Разве есть общечеловеческая целесообразность, абстрактная целесообразность? Нужна ли кому такая бесклассовая установка? Да, определенно нужна классу буржуазии. И это, товарищи, преподносится в советской книге, для советского читателя, для советского педагога.

Дальше Ульянинский пишет:

«Оно (воспитание. *И. П.)* стремится развивать однако лишь те качества, которые являются биологически полезными для данного индивидуума, в то же время полезными в данной общественной обстановке, то есть качества социально-полезные».

Предположите, товарищи, что какая-либо партийная коммунистическая школа где-либо в капиталистической стране попробует руководиться этой педагогической книгой Ульянинского и будет «развивать лишь те качества, которые являются полезными в данной общественной обстановке», с тем, чтобы эти качества были одновременно полезны и биологически. Ведь в таком случае нужно вырабатывать у детей пролетариев приспособление *к данной* общественной обстановке, а отнюдь не организовывать их к *борьбе,* которая грозит тюрьмой и даже потерей жизни. Ведь все это может вредно отразиться на здоровьи и идет вразрез *с данной* общественной обстановкой.

Какой класс говорит о «природных свойствах человека» вообще? Какой класс говорит о социальной пользе вообще? Какой класс не может сказать на классовом языке, что такое социальное, не может перевести этого на *классовый* язык? Пролетариату нечего терять и ему нечего стесняться. Он прямо заявляет о своей классовой установке, в том числе и в

[1] В. Ю. Ульянинский. Методика естествознания в трудовой школе. Госуд. изд. 2 изд. 1930 г., стр. 7.

области идеологии. А вот кому-то есть нужда бояться. Оче видно тому, кто является эксплоататором.

Дальше Ульянинский в том же духе говорит — «под пе дагогическим процессом я понимаю организованное воспи тание и образование, протекающее в совершенно опреде ленных жизненно-конкретных условиях, приведенное следо вательно в точное соответствие с возрастом и социальной средой, обусловленной особенностями данной эпохи»...

Здесь Ульянинским дана директива для всех и вся, надклассовая директива воспитания вообще. Хочет или не хочет Ульянинский, но такого педагогического процесса, как он думает, в жизни не бывает. И тот педагогический процесс, который он выдает за *«вообще»*, который можно формулировать для всех народов и времен, является классовым, причем определенного класса — буржуазии.

Ульянинский выставляет в качестве задачи и принципа воспитания «развивать лишь те качества, которые являются *биологически* полезными для данного индивидуума в *данной* общественной обстановке. Задачей воспитания Ульянинский выставляет приспособленчество, оппортунизм и хвостизм во всей их отвратительной сущности. Да и сам Ульянинский на своей собственной персоне демонстрирует хвостизм, плетясь в хвосте, лишь просто повторяя установки буржуазного теоретика педагогики — Дьюи, заявлявшего, что педагогическая «задача — лишь приспособление, установление соответствия, а не творчество» (Дьюи — Школы будущего).

И после всего этого Ульянинский имеет «смелость» заявлять, что он вместе с другими райковцами принял «диалектико-марксистский принцип» еще с 1923 г.: «впервые диалектико-марксистский принцип был провозглашен Альбертом Петровичем Пинкевичем на 1-м съезде естественников в 1923 г. и был принят как таковой».[1]

Хотя собственно говоря «диалектика», провозглашенная Пинкевичем, была «диалектикой» райковского эпигона, эпигона буржуазной педагогики, и *именно поэтому* она могла быть принятой райковцами «как таковая». Ведь Пинкевич отрицал пролетарскую культуру, в том числе и пролетарскую педагогику, не останавливаясь перед прямым извращением ленинских высказываний. И на 1-м съезде естественников Пинкевич *фактически* отрицал материалистическую диалектику как *классовый* метод пролетариата, выдав паспорт на диалектичность *«любому* сочинению по физике и химии, современной геологии и минералогии, а также биологии». *Любое* сочинение по физике и химии, — докладывал на этом съезде проф. Пинкевич, — пронизано диалектикой, то же нужно сказать о современной геологии и минералогии, а также о биологии».[1]

Если в сочинениях по естествознанию, согласно Пинкевичу, не оказывалось классовости, если *всякое* сочинение по естествознанию объявлялось марксистским, если марксизм был сведен к «современному» (повидимому в том числе и буржуазному) естествознанию, то понятно, что райковцу Ульянинскому ничего не оставалось кроме того, чтобы раскрыть свои теоретические объятия такому «диалектико-марксистскому принципу», воистину *«как таковому»*. Если всякая естественно-научная теория объявлялась марксистской, то что же мешало например райковцу Ягодовскому перекрестить свой плоский «эволюционный» подход в «диалектический»: «Школа (стремится) создать эволюционный, *будем говорить* диалектический подход к явлениям природы и жизни», — говорил и писал проф. Ягодовский.[2] Но оттого, что проф. Ягодовский «будет говорить диалектический», его плоский эволюционизм не станет диалектикой, так же как не становилось рыбой перекрещенное хитроумным средневековым монахом мясо, поедаемое этим монахом в запретные дни поста.

Ульянинский был одним из сильно сочувствующих тому Райкову, которому посвящается сегодняшняя наша конференция. К Райкову я сейчас и должен перейти. Что из себя представляет Райков и вся его группа? Вы знаете, товарищи, что Райков и его группа были раскрыты органом пролетарской диктатуры — ГПУ. Мы должны на сегодняшней конференции с полной отчетливостью разобраться в этой группировке. В самом деле может показаться, что Райков был только инакомыслящим: ГУС думал так, а Райков иначе. И вообще стоит ли из-за этого человека высылать? Уж нельзя

[1] В. Ю. Ульянинский. — Речь на совещании при Наркомпросе от 2—3 марта 1928 г. — См. журнал „Естествознание в трудовой школе“ № 2 (4) за 1928 г., стр. 121.

[1] А. П. Пинкевич. — „Естествознание и марксизм“, доклад на 1-м Всероссийском съезде педагогов-естественников 10—16 августа 1923 г. См. труды этого съезда „Естественно-историческое образование в СССР“, под общей редакцией Б. Е. Райкова, 1924 г., стр. 10.

[2] К. П. Ягодовский. — Доклад на совещании при Наркомпросе от 2—3 марта 1928 г. См. журнал „Естествознание в трудовой школе“ № 2 (4) за 1928 г., стр. 70.

у нас иначе понимать педагогический процесс, нежели понимает ГУС? Может быть в самом деле у Райкова была безобидная позиция, — просто человек думал иначе, чем ГУС и все?..

Нужно вам сказать, что под руководством проф. Райкова, методиста-естественника, в Ленинграде была создана целая организация, ставившая своей целью никоим образом не допустить в наши школы проводимую нашей партией *политехнизацию* школы.

В этой организации был твердо разработанный календарный тактический план, была постоянная связь с периферией, в том числе и с такими отдаленными местами, как с Астраханью, с Полтавой и т. д. Организация должна была действовать в какой-то легальной форме. Легальной формой, через которую эта организация действовала, было знаменитое Общество распространения естественно-научного образования. Знали ли все члены этого общества о его действительных задачах? Не знали. Но руководители этого общества с совершенной ясностью отдавали себе отчет о своей целеустремленности не допустить политехнизации школы, не допустить приближения школы к труду, к труду отнюдь не в том смысле, как это практиковалось в некоторых местах в первые годы революции, когда прививались в школе так называемые «трудовые навыки, трудовые процессы, трудовой час», когда например, проучившись 5 часов по книжечке, потом час носили дрова в печи, подметали класс и т. д., а к труду в его настоящем производственном смысле. Еще Марксом был провозглашен лозунг об уничтожении разрыва между наукой и трудом. Политехнизация школы, подготавливающая уничтожение этого разрыва, поэтому имеет мировое революционное значение. Это — один из лозунгов мировой революции. Совершенно понятно, почему были против политехнизации школы все белые зубры, все, кому революция стала поперек горла. Здесь должна была выступить и выступила их классовая природа.

Борьба райковцев не была теоретической борьбой против методики, это была борьба против проведения диктатуры пролетариата в определенной области преподавания, на участке методики естествознания.

Внешне улыбаясь пролетариату и даже иногда играя «марксистскими» словечками, райковцы организованно пытались срывать включение наших школ в наше социалистическое строительство, пытались воспротивиться тому, чтобы наша школа стала «не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и не-пролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения способного окончательно установить коммунизм» (из программы ВКП(б). «Мне скажут, — писал райковец Григорьянц: — а общественная работа школы? А влияние школы на население? А работа среди масс? Это все очень желательно и красиво, но в массовой школе *неосуществимо*». [1](Подчеркнуто мной. *И. П.*) Не дать политике проникнуть в школу — вот лозунг райковцев. «У ГУСа, — писал в одном из документов Райков, — в основе политическая теория, а не биологическая; не ради школы, а ради государства школа приносится в жертву государству... Обычная соблазнительная политика поработить школу. Нам говорят: школа не может быть без политики, — неправда. У школы идеалы более высокие и более широкие».

Какие же это более широкие и более высокие идеалы? Какие идеалы могут быть более высокие, чем перестройка всего мира на новых невиданных началах, на наших коммунистических началах? То, что широко для пролетариата, то очень узко для Райкова. Это правильно. И пролетариат действительно создал для Райкова и райковцев очень «узкое» положение. Правильно, понимаем вас, проф. Райков, но сочувствовать вам не можем.

«Мы по всей линии нашей просветительной работы, — писал т. Ленин, — не можем стоять на старой точке аполитичности просвещения, не можем ставить просветительную работу вне связи с политикой. Такая мысль господствовала и господствует в буржуазном обществе. Название «аполитичность» или «неполитичность» просвещения — это есть лицемерие буржуазии, это есть не что иное, как обман масс, на 99% униженных господством церкви, частной собственности и пр. Мы не можем не ставить дело открыто, открыто признавая вопреки всей старой лжи, что просвещение не может не быть связано с политикой». [2]

Но если нельзя изгнать политику из нашей советской школы, если наши партийные и комсомольские организации и в школе бьются за генеральную линию нашей политики, то нужно попробовать «втирать очки по части преподавания естествознания, — так рассуждают райковцы. «Так надо-

---

[1] К. Григорьянц. — Наше больное место. Статья в журнале „Живая природа", № 6, 1927 г., стр. 169.

[2] Ленин. — Собр. соч, т. XXV, 3-е изд., стр. 448—450.

ело — жалуется в письме к Райкову участник его группы педагог В. — втирать очки в общесоюзном масштабе... С месяц тому назад у нас появилось новое каррикатурное начальство, б. папиросница из Лохвицы. Надо было выкинуть очередной номер для втирания очков. Ради курьеза я здесь придумываю всякие фокусы по части преподавания естествознания. Так как в «местной освитии» я пользуюсь известностью, то мои фокусы проходят успешно... Теперешнее книгоиздательство любит умственный онанизм. В здешних книжных магазинах ничего хорошего не найдешь. Все полки заполнены чисто советской литературой... Твердо решил эмигрировать из России или в Южную Африку, или в Америку, а служить на потеху чулочницам и папиросницам я не желаю, — восклицает сей «просветитель юношества», и повидимому в предвкушении африканских прелестей пишет своему «вождю» Райкову сие блевотное послание *по старой орфографии*, старательно выводя и «ять», и «твердый знак», и «фиту». Ну, что же, и пролетариат сему любителю старой орфографии тоже прописал, правда по новой орфографии, ижицу.

Свои фокусы Райков и райковцы проделывали очень тонко, действительно с большой ловкостью рук. Были мобилизованы тончайшие методические средства, была развернута большого мастерства методическая техника, которая должна была загипнотизировать педагога и скрыть от него *классовую* суть райковской установки. И под завесой этой якобы беспартийной методики *б. член кадетской партии* Райков пытался в противовес политехнизации протащить в наши советские школы тот «старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества» *(Ленин.* — Задачи союза молодежи).

«Старая школа — писал далее т. Ленин — заявляла, что она учит наукам вообще», и представитель этой старой буржуазной школы, бывший деятель коммерческого училища, а ныне бывший профессор Райков, писал, что «если бы мне предложили короче формулировать педагогическое значение естествознания, я ответил бы на это, что роль естествознания в школе можно передать в нескольких словах, — оно учит: *правильно смотреть, правильно мыслить, правильно поступать*».[1] Эта «правильность» вообще, это учение о надклассовой правде педагогики «насквозь лживо, ибо... вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было проделано в интересах буржуазии» (Ленин).

[1] Б. Райков. — Доклад на I Всероссийском съезде педагогов-естественников, 1923 г. Труды съезда. Сб. „Естественно-историческое образование в СССР“, Изд 1924 г., стр. 17.

Для проведения вредительства в области нашей школьной политики райковцы развернули большую работу. Держа в своих руках «Общество по распространению естественно-научного образования» (ОРЕО), Райков развернул широкую пропаганду через частные письма, через подпольно печатаемую литературу, где высмеивалось соединение обучения с производительным трудом как «хлевология». По возможности использовались и легальные пути издевательства. Своим ставленникам по филиалам ОРЕО Райков посылал точные инструкции, как бороться против советских властей: «Представьте себе — писал в одном из писем-инструкций Райков, — что местные власти производят на вас то или иное давление, административное или, что еще хуже, идеологическое... Особенно невыгодным является надзор Наркомпроса, когда он уже является не надзором, а настоящим идейным вмешательством в нашу работу с тем, чтобы проводить через посредство В. Общества свои планы, взгляды и т. д. Старайтесь сохранить атмосферу свободного высказывания, а не развитие взглядов начальства». И для реализации этой директивы Райков и райковцы систематически, *по заранее тактически разработанному плану срывали* политехнические установки, не останавливаясь перед тем, чтобы тайком, вне школы «переучивать детей по-старому» (из письма к Райкову Л.).

В 1928—29 г., когда пролетариат развернул свое широкое наступление на кулака с целью ликвидации его как класса, райковская организация также развернула наиболее широко и остро свою реакционную работу. Была даже сделана попытка созвать *свой съезд*, параллельно и в противовес съезду, созываемому Народным комиссариатом просвещения, с целью организоваться во всесоюзном масштабе. Райков хотел пробиться к рулю школьного управления, оттеснив пролетарское влияние «всяких там чулочниц и папиросниц».

Но карта Райковых была бита.

Сами же педагоги, верные делу пролетариата, раскусили *классовую суть* Райкова, и вскоре была раскрыта и вся организация методистов-вредителей.

Я не имею, товарищи, ни времени, ни возможности вскрыть все то, что было написано Райковым тогда, когда ему не нужно было пропускать написанное через наши издательства, но если мы обратимся к тому, что Райковым напи-

сано и выпущено нашими официальными издательствами, то на первый взгляд мы видим совершенно безобидные вещи. Разрешите мне остановиться на книге Райкова «Домашние животные в школьном изучении». Что же здесь обидного, если Райков предлагает изучить крысу как домашнее животное. Крысу как грызуна, как домашнего вредителя нужно изучать. Но интересно посмотреть, на что ориентирует детей Райков при изучении крысы: «Опишите различные способы передвижения крысы. Как она ходит, бегает, как она переставляет ноги, — попеременно, или передвигается прыжками. Опишите, как крыса чистится, моется. Как чешется. В какой позе крыса чаще всего сидит». [1]

Не безызвестная нам свинья, о которой мы говорили раньше, фигурирует и у Райкова. Райков ориентирует детей следующим образом: «Если вам удастся увидеть, как свинья валяется в грязи, опишите, как она ведет себя при этом и с какой целью она это делает». [2] «Какие звуки издает свинья и в каких случаях? Опишите их». Но этим еще, товарищи, не кончается. Райков пишет дальше: «Побывайте на рынке и опишите, чем по внешнему виду свиное мясо отличается от говядины». Сходите именно на рынок, посмотрите, «что на *рынке дороже,* — свинина или говядина».

Что характерно для всей преподносимой здесь установки? Созерцательный подход, удовлетворение созерцательного интереса, прививка школьнику любознательности «вообще», выработка у него наблюдательских навыков «вообще» без всякой классовой установки.

Райков проповедует метод *созерцательного индуктивизма,* стараясь воспроизвести в *пролетарской* школе методы буржуазных школ Запада 19 в. (созерцательный индуктивизм Любена). «Наблюдать и сравнивать» *уже данные, наличествующие в природе* формы — вот девиз школы и по Любену и по Райкову.

Смысл этого созерцательски-сравнивающего обучения — в формальном развитии ума, в тренировке «культуры ума», в подготовке «критически мыслящей личности», отнюдь не опускающейся до низменных вопросов «благоденственного жития».

Метод Любена — писал Райков еще до революции — «приучал к наблюдательности, сосредоточивая внимание учащегося на данной конкретной форме, стоящей перед его глазами. Упражняя в отыскивании сходств и различий, он способствовал формальному развитию ума». [1] «Естествознание—писали райковцы в одной из своих резолюций 1928 г. — должно *воспитать личность* человека, развив его мышление». «Мы никак не можем встать на такую узкую точку зрения — писал сам Райков в 1927 г.,—что изучение природы в школе имеет основной целью лишь использование ее богатств для нужд человека. Естествознание — это прежде *всего культура ума,* а не одно лишь средство к благоденственному житию... Это (производственная целенаправленность естествознания. *И. П.)* — несомненная педагогическая реакция, хотя бы и повязанная для вида красным платочком». [2]

Развивать в школьнике чисто теоретический интерес, простое любознательство без всякой социалистически хозяйственной целеустремленности — такова позиция Райкова и райковцев. «Совсем не натуралист тот, кто требует от юннатских кружков изучения экономических тем... К работе натуралиста эти темы не имеют непосредственного отношения, и заниматься ими должен совсем другой кружок: экономический, марксистский. Как своеобразно у нас стало теперь пониматься слово «натуралист»: несчастному обладателю этого наименования предъявляются не только странные, а прямо-таки дикие требования... Натуралист, как известно,— это тот, кто изучает природу *как она есть,* всю и во всех деталях... Куроводство, свиноводство, лесоводство, огородничество и пр., — все это очень интересные занятия; но если только они интересуют человека, и он совершенно глух к природе, то он — не натуралист: животновод, растениевод, агрономом, — все что вам угодно, но не натуралист... Каждый кружок (юннатов. *И. П.*) должен работать так, как ему хочется работать... Если найдется в кружке несколько человек — поучает дальше юннатов и их руководителей проф. Лавров,— которых совершенно не интересует прикладная сторона дела — ни куры с их яйцами, ни коровы с молоком, ни приплод от лисиц, ни дохлые кроты, и если эти несколько человек будут рваться на экскурсию, но не на скотный двор, не на свалку, а на берег озера с сачками в руках, на ночную экскурсию для ловли бабочек... то учитель должен и здесь быть на высоте положения и помочь этим членам кружка. Но если

[1] Проф. Б. Е. Райков.—Домашние животные в школьном изучении, ч. I. Госиздат. 1927 г.. стр. 27.
[2] Там же, стр. 63 и 64.

[1] Б. Райков.—Очерки по методике зоологии. Статья в сборнике № 4 „Естествознание в школе", стр. 21, Спб., 1914 г.
[2] Журнал „Живая природа", № 1, 1927 г., стр. 3—4.

он будет отговаривать юннатов от такой работы... то с моей точки зрения он — не педагог и ему в школе делать нечего. Лучше поискать себе другую, более подходящую профессию, поступить хотя бы в тот же Госторг».[1]

В этих высказываниях райковский сподвижник проф. Лавров довольно-таки откровенно изливает всю свою злобу на советские органы, на «всякие там Наркомпросы и Госторги», которые уничтожают метафизическое отделение познания предмета от его использования в нуждах социалистического строительства, уничтожают разрыв между растениеведением и растениеводством, зоологией и животноводством, теорией и практикой; которые больше того самое познание делают реконструирующим, переделывающим «лик» познаваемого объекта, «*революционизирующим жизнь растений и животных*» (Яковлев); которые выдвигают в конечном счете движущим импульсом познания и обучения построение коммунизма. Против энтузиазма строительства, против пафоса реконструкции райковцы выставляли пафос «*любви к природе*» в ее чистом, незапятнанном хозяйственным вторжением виде, заявляя, что «задача школы — развить в ученике любовное отношение к природе во всех ее проявлениях»,[2] побудить его например участвовать в лесонасаждении из любви «к свежему аромату лесной стихии»,[3] а отнюдь не из каких-то побуждений «общественно-полезной работы».[4] «При натуралистических работах юннат берет во внимание окружающую *природу как таковую* и стремится познать ее *независимо от прикладного значения* того или иного объекта ее для человеческого общежития.» (Подчеркнуто мной. *И. П.*).[5] *И* этот свой отрыв изучения природы от ее хозяйственно целесообразной переделки райковцы пытались оправдать «интересами ребят», утверждая, что «ребят преимущественно интересует сама природа независимо от ее прикладного значения».[6] Интересно знать о каких ребятах

---

[1] Проф. С. Д. Лавров. — Неурядица в школьном естествознании. Статья в журн. „Живая природа", № 7, 1927 г., стр. 193—196.

[2] С. Т. Белозеров.— „Охрана природы и школы". Передовая статья в журнале „Живая природа", № 16, 1928 г., стр. 781.

[3] Б. Е. Райков. — Зеленая Америка. Статья в журнале „Живая природа", № 8, 1927 г., стр. 226.

[4] Там же.

[5] Б. Райков и С. Герд. — Типы юннатской работы. Журнал „Живая природа", № 6, 1927 г., стр. 175—176.

[6] С Герд.—О чем говорят эти цифры. Статья в журнале „Живая природа", № 5, 1928 г., стр. 150.

здесь идет речь? Доводилось ли говорить Райкову или Герду с *живыми* крестьянскими и рабочими парнишками и девушками? Если же доводилось, то как они могли не заметить хозяйственную их заинтересованность и (в особенности у рабочих ребятишек) «конструкторские» и «изобретательские» интересы: «как бы сделать» и «как бы сделать это *по-новому*». Если же все это Райков и Герд замечали, чем же можно объяснить такое, мягко выражаясь, «не вполне соответствующее действительности изложение фактов?»

Не трудно видеть, что здесь налицо негодная попытка свалить на «*природу*» ребятишек соответственную социальную, враждебную пролетариату установку, установку пассивно-созерцательского отношения к природе, установку на сохранение объекта изучения природы — в нетронутом общественной практикой виде.

Понятно, как при такой установке райковцы должны быть обеспокоены охраной природы от преобразующей практики человека. В передовой статье журнала «Живая природа», посвященной вопросу участия школы в охране природы, райковец Белозеров пишет: «человек как носитель земледельческой и технической культуры оказывает большое влияние на изменение «лика» земли: производит искусственный отбор нужных ему растений и животных, оставляя главным образом только практически ценные виды; производит осушку болот, меняет самый рельеф земли, уничтожает *безжалостно* великолепнейшие типичные формы ландшафта».[1]

И в качестве «борцов», защитников девственной природы от «безжалостного» вторжения хозяйственной практики, райковцы предлагают выдвинуть школьников, у которых «должен появиться повышенный интерес к изучению разнообразнейших явлений природы, окрепнет сознание необходимости сохранить осколки девственной природы, которой (а отнюдь не *своему* производительному труду?! *И. П.*) предки наши обязаны своим существованием. *Руководствуясь индуктивным* методом, нужно... предпослать изучению в школе отдельных заповедников ряд мероприятий, могущих способствовать повышению *любви к природе*, к различным формам ее ландшафта».[2]

---

[1] С. Т. Белозеров — Охрана природы и школа. Журнал „Живая природа", № 16, 1928 г., стр. 481 (передовая статья).

[2] Там же, стр. 481—482.

Здесь, как мы видим, действительно нужная задача — охрана природы от *частного* хищничества, анархически уничтожающего естественные ресурсы хозяйства, воздействие на эти естественные ресурсы с целью их умножения и освоения (правильное возобновление леса, наши заповедники, в которых на ряду с созданием наиболее благоприятных естественных условий размножения производится приручение и аклиматизация животных и растений и т. д.) — подменяется сантиментальной «любовью» к нетронутому хозяйственной практикой ландшафту. Школьникам прививается взгляд на хозяйственную практику как на нечто *враждебное* объекту их любви — *природе*.

Природа противопоставляется труду. Мы уже видели, что буржуазный идеолог в физиологии проф. Савич апелировал к «природе» организма против угнетающих эту «природу» большевиков, угрожая «падением великим»; мы видели, как буржуазный генетик и евгенист проф. Филипченко пытался опереться на природу («natur»), якобы мешающую созданию пролетарской интеллигенции; местью природы за наше хозяйственное вторжение, переделывающее «естественный» лик земли и организмов, угрожал недавно в одной из своих статей и украинский профессор Третьяков; к охране природы от труда и к изучению этой природы в ее «*естественном*» виде вне зависимости от реконструктивных потребностей нашего социалистического строительства пытались вести школу и райковцы.

Маркс в своих знаменитых тезисах о Фейербахе выступил против созерцательного отношения к миру. Маркс указал, что воспроизводящая предмет производственная практика является критерием истинности нашего познания и действительным смыслом самого познания:

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Но оказывается, что и райковцы тоже против простого созерцания.

Так например В. Бианки выступает *против* «простого созерцания»; в статье из сборника «Естествознание в школе» Бианки еще в 1914 г. выступает против созерцания:

«Одно наблюдение, простое созерцание... того, что наблюдаешь, вряд ли в состоянии доставить кому-либо длительное удовольствие и удовлетворение». [1] Обрушившись таким образом на «созерцание», Бианки категорически требует... «*записывания*»: «записывание же наблюдения, давая точку опоры и материал для сравнения, стимулирует к дальнейшим наблюдениям, и в конце концов начинает представлять захватывающий интерес, приводящий к методическому изучению явления». [1]

[1] В. Бианки. — Постановка наблюдений над размножением птиц. Сборник „Естествознание в школе“, № 4, стр. 96, 1914 г.

Итак, перефразируя Маркса, Бианки может сказать: «натуралисты-педагоги лишь созерцали мира, но дело заключается в том, чтобы его записывать».

Райков идет еще дальше в борьбе против созерцательности. В своем докладе на I Всероссийском съезде педагогов-естественников Райков громил не только «коллекционирование фактов без ясно поставленной цели», [2] не только следовательно «простое созерцание», но и «простое записывание»:

«Регистрация не есть еще знание; знание — система обобщений. Особенно злоупотребляют этой голой регистрацией фактов при метеорологических записях, при различных фенологических наблюдениях, из которых сделать сколько-нибудь достоверные выводы в школьной обстановке представляется делом почти невозможным... — «Дети, наблюдайте природу...» — «Что же нам наблюдать?» — «А вот, наблюдайте все, что вы видите вокруг себя: записывайте, зарисовывайте, ведите журнал, протоколы, дневники».

И наблюдают, записывают, зарисовывают. И как будто очень интересуются этим делом. А потом охладевают, потому что бессистемная и бесцельная регистрация фактов, перегружая внимание, слишком мало питает ум и настоящих обобщенных знаний не дает». [3]

Райков, как мы видим, *против* простой созерцательности даже и с «записыванием».

В чем же дело? Почему же сам Райков предлагает школьникам *описывать* свиней, *описывать* курицу, *описывать* крысу и т. д.? Почему же он сам дает пищу для собственной уничтожающей критики? Или наоборот почему он вообще выступает против «наблюдения», против «созерцательности»,

[1] В. Бианки. — Постановка наблюдений над размножением птиц. Сборник „Естествознание в школе“, № 4, стр. 96, 1914 г.

[2] Б. Е. Райков. — Исследовательский метод в преподавании естествознания. Естественно-историческое образование в СССР. Сборник докладов и речей на I Всероссийском съезде педагогов-естественников 10—16 августа 1923 г. Изд. культурно-просветительного кооперативного товарищества „Начатки знаний“. Ленинград, 1924 г., ч. I, стр. 21.

[3] Б. Е. Райков. — Исследовательский метод в преподавании естествознания, стр. 21.

если сам он рекомендует «наблюдать?» Думает, не ведая, что творит, и творит, не ведая, что думает? Вопиющее противоречие между словом и делом?!

Нет. Все это только кажущееся противоречие. Райков вовсе *не против* «созерцания». Он лишь против «*простого* наблюдения» и за «обдумывающее наблюдение»:

«Не надо забывать, что наблюдение не есть простая механическая регистрация фактов... У германских методистов в ходу выражение: «denkende Beobachtung» (обдумывающее наблюдение). В этом и заключается различие между *подлинным* (подчеркнуто мною. *И. П.*) наблюдением и простым глазением... Уже из самого определения сущности исследовательского метода вытекает, что он приложим при всех типах школьной работы, всюду, где требуется умозаключение от наблюденных фактов».[1]

Итак задача школьного естествознания (да и не только *школьного)* по Райкову — наблюдать окружающее, сравнивать наблюдения и описывать наблюдаемые связи. И этим самым Райков оказывается целиком стоящим среди «объяснителей» мира.

Ведь созерцательные материалисты, о которых говорит Маркс, не просто «глазели» по сторонам, а наблюдали и обдумывали наблюдаемое. Так Фейербах писал: «Существенными орудиями... философии являются.. мышление и созерцание...»[2] «Конечно ограничена и жалка та эмпирия, которая не поднимается или по меньшей мере не хочет подняться до философского мышления; но столько же ограничена философия, не спускающаяся до эмпирии».[3] И дальше совсем в духе райковского «обдумывающего наблюдения»: «и наблюдение (Sehen) является мышлением... и органы чувств являются органами философии...».[4] «Лишенная мысли чувственность не идет дальше отдельного явления, объясняет его без размышлений, без исследования, без сравнения с другим явлением, объясняет непосредственно через себя самое: *мыслящее же созерцание* связывает различного рода чувственные факты, не имеющие повидимому ничего

[1] Б. Е. Райков. — Исследовательский метод в преподавании естествознания. Сборник „Естественно-историческое образование в СССР", стр. 21.

[2] Л. Фейербах. —К реформе философии. Собр. соч., т. I, стр. 68. Гиз, 1913.

[3] Л. Фейербах. — О начале философии. Собр. соч., т. I, стр. 45. Гиз., 1923 г.

[4] Там же.

общего друг с другом, в одно целое, и человек мыслит только тогда, когда он поднимается до такого *связывания чувственно воспринятого*».[1]

Так вот оно оказывается откуда это «обдумывающее наблюдение» Райкова. Оно оказывается фейербаховским принципом познания, принципом, против которого Маркс выступил в своих тезисах. Хотя, как мы видим, Фейербах *против* простого созерцания, хотя он выдвигает «обдумывающее созерцание», но все же он остается на *созерцательных* позициях, так как средством и истинным смыслом знания Фейербах не считает реконструкцию познаваемого объекта и тем самым овладевание *законом* его становления, а ставит целью познания описать наблюдаемое, сравнить с другими объектами наблюдения и установить их внешнюю наличную связь. Тем самым Фейербах не ушел от эмпиризма, он лишь созерцал *внешние* переходы, не открывал *законы* этих переходов, что могло быть сделано лишь при производственно-практическом подходе к познанию.

Когда познающий на основании всего предшествующего опыта, после тщательнейшего «созерцания» какого-либо объекта строит предположительный закон воспроизведения этого объекта и на основании этого действительно практически воспроизведет познаваемый объект, — то только тогда такое практическое воспроизведение является доказательством, что понятие, понимание закона соответствует конкретному, а потому само конкретно, истинно. Только воспроизводящая практика является критерием истинности и средством конкретного познания. Но эта же согласно предположенному закону воспроизводящая предмет практика делает возможным воспроизведение этого предмета в *массовом*, нужном для общества масштабе. И только такое общественно-хозяйственное практическое овладевание и является истинным смыслом познания.

Фейербах остался эмпириком-созерцателем, так как его интересовал уже наличествующий «естественный» ход событий. Он не ставил своей целью *вторгнуться* в этот «естественный ход» как революционизирующая сила. Его интерес был чисто теоретическим интересом, интересом пассивного созерцателя. В этом был порок его и порок всего метафизического материализма:

«Главный недостаток всего предшествующего материализма — до Фейербаха включительно — заключается в том,

[1] А. Фейербах. — Собр. соч., т. I, стр. 141—144.

что предмет, действительность, чувственность рассматривается только в форме *объекта* или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность, не в форме практики... Недовольный абстрактным мышлением, Фейербах выдвигает *созерцание*, но он рассматривает чувственность не как *практическую* человечески чувственную деятельность... Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения может быть достигнуто и рационально понято, только как революционная практика» [1] — писал Маркс. И эту созерцательную установку метафизического материализма 19 века, Райков пытался сделать программной установкой наших советских школ. Абстрактный, взятый вне наших классовых задач, теоретический интерес должен был руководить школьником. Абстрактный школьник абстрактной школы должен был абстрактно созерцать те или иные факты и обдумывать созерцаемое без всякой установки на подчинение, без всякой установки на уяснение социалистически хозяйственного значения овладевания закономерностями исследуемого объекта.

И когда Райков на ряду с созерцательным изучением природы путем экскурсий выдвигал исследовательски-*экспериментальный* метод, то и здесь он целиком оставался «созерцателем», глядящим на то, что если возьмем например «а» и воздействуем на него при помощи «б», то что же тогда получится? То же эмпирическое наблюдение *внешнего* течения и связи событий только теперь уже не в природных, а лабораторных условиях.

Райков приводит классический с его точки зрения образчик такого применения лабораторно-исследовательского метода:

«Преподаватель разделяет между учениками следующие работы:

1) Возьмите два приблизительно одинаковые кусочка соли и один из них истолките в мелкий порошок. В один стакан с водою положите кусочек, а в другой порошок. Что растворится скорее?

2) Сделайте то же самое с сахаром и

3) с квасцами.

4) Положите одинаковое количество истолченной соли в два стакана с водою. Один из них оставьте в покое, а в другом мешайте воду стеклянной палочкой. В котором стакане соль растворится скорее?

[1] Маркс. — Тезисы о Фейербахе. Архив, ч. I, стр. 200—201.

5) То же самое сделайте с сахаром и

6) с квасцами.

7) Положите одинаковое количество соли в два пробирные стаканчика с холодною водой. Один оставьте в покое, а другой нагревайте на лампочке.

8) То же самое сделайте с сахаром и

9) с квасцами.

10) Возьмите полстакана воды и растворите в ней возможно большее количество соли, прибавляя ее постепенно небольшими количествами и размешивая, пока все не растворится. Что заметили вы?

11) То же самое сделайте с сахаром и

12) с квасцами.

Окончившие опыт сообщают результат его, а остальные заносят его вкратце в свои тетради. По окончании всех работ выведены будут главнейшие условия растворимости». [1]

Как мы видим и здесь, при лабораторном исследовании, райковцы остаются «в страдательной роли наблюдателя» (К. А. Тимирязев), так как они такими опытами лишь расширяют круг наблюдаемых сторон явлений, созерцая внешнее течение их и фиксируя «чем был и чем стал», а не создавая конкретное понятие необходимости того, что они наблюдают. Описание того, как растворяется соль, квасцы и сахар методологически тождественно с описанием признаков и поведения крысы, курицы, коровы и т. д. Тот же эмпиризм, то же в конечном счете «глазение». Выводы, делаемые Райковым из наблюдаемых явлений путем их индуктивного сравнивания, есть лишь простое констатирование внешней связи событий.

Созерцательское отношение к изучаемому материалу обусловлено той созерцательской ролью школы, которую проповедывали райковцы.

Школа стоит вне жизни, вне классовой борьбы, поэтому нечего заниматься вопросами социалистического улучшения жизни, нечего заниматься вопросами, как можно и нужно научно революционизировать животноводство, растениеводство и т. д. И растение и животное остается просто *наблюдаемым* объектом, требующим *«осмысливания»* лишь того, что *уже* в нем есть, а отнюдь не является предметом, требующим уяснения, каким этот предмет *надо* сделать и исходя из каких научных данных это *можно* сделать. Последняя установ-

[1] Райков Б. Е.—Исследовательский метод в преподавании естествознания, стр. 25.

ка предполагает твердую хозяйственную перспективу, *хозяйственную целенаправленность* обучения, исходя из которой только и можно изучать научные основания хозяйственной реконструкции биологического и всякого другого материала изучения.

Но против такой социалистически-хозяйственной целенаправленности в обучении и выступает Райков и его группа:

«В школе преподаются элементы биологии, а не курс животноводства», — поучал Райков. Если даже райковцами и берется для изучения хозяйственный материал, то он все же служит лишь как материал для «обдумывающего созерцания». Поэтому Райков и предлагает изучать, «как крыса чешется», изучать у коровы «ее походку» и т. д.

Изучение же хозяйственного материала опять-таки предлагается проводить лишь через наблюдение и отнюдь не стремиться соединять изучение хозяйственных объектов с общественно-производительным трудом, *с практическим* усвоением основ наук, поставленных на службу социалистической реконструкции. «*Наблюдайте*, как корову доят», — рекомендует Райков, затем повидимому попейте молочка и хватит с вас «приобщения к хозяйству».

Против социалистически-хозяйственной целенаправленности при систематическом усвоении школьниками *основ наук* Райков и его группа выдвигали другой принцип, другую цель для обучения — овладевание исследовательским методом. Задачей этого метода является по Райкову шлифовка мозгов.

«Исследовательский метод — писал Райков — есть метод прежде всего *формально-логический*, воспитывающий наблюдательную способность, индуктивное мышление и т. д... в формальном смысле естествознание шлифует наш психический аппарат, совершенствуя и перестраивая его в процессе работы».[1] Его девиз: «естествознание ценно не фактическим своим содержанием, а своим методом».[2]

Кантиански оторвав метод от содержания, воспитание навыков от образования, Райков ставит задачей воспитания — формально шлифовать мозги.

Можно было бы указать Райкову другой, более верный способ формальной шлифовки мозгов — изучать талмуд или

[1] „Естественно-историческое образование в СССР", стр. 23—27.

[2] Б. Е. Райков.—Исследовательский метод в преподавании естествознания. Доклад на I Всероссийском съезде педагогов-естественников.

средневековую схоластическую «мудрость». Но Райков за то, чтобы использовать в этих целях естествознание, так как «что касается до курса *второй* ступени, то здесь исследовательский метод, сохраняя главенствующее значение, несомненно теряет свое монопольное право... Применяя его, не надо забывать, что естествознание в школе ценно не только тем воспитательным воздействием, которое оно оказывает на ум, волю и чувство учащихся, но не менее важно и своим идейным содержанием, закладывая основы *трезвого* положительного миросозерцания... Молодежь, оканчивая наши средние школы, должна приобщиться к этим идеям, должна знать, что думает наука о происхождении мира, о происхождении живых существ, о месте человека в природе и т. д.[1]

Главной, ведущей задачей школы, подчиняющей себе задачи образования, является по Райкову выработка формально логических навыков. В угоду этой формальной задаче воспитания приносятся подчас в жертву необходимейшие разделы образования. *Методика диктует программу* обучения: «ведь в конце-концов — писал Райков — программа является результатом того или иного методического мышления».[2] И в результате райковского «методического мышления» разделы образования, *нужные для нашего соцстроительства*, выпадали да и все образование в целом *подчинялось* не задачам усвоения основ политехнизма и систематического и прочного усвоения основ наук, а руководилось формальными соображениями, дает ли тот или иной раздел что-либо для усвоения «исследовательского метода», или же нет. Так много ратовавшие за *логику предмета*, райковцы на самом деле выдвигали *формальную логику методики*, формальные интересы фетишизированного «исследовательского метода», в угоду которому и кроилось преподавание естествознания.

Но на ряду с *главной* задачей естествознания—формально-логической тренировкой — Райков выставляет в качестве второй задачи естествознания — выработку положительного миросозерцания. Это именно — *миросозерцание*, разглядывание мира и его устройства, а отнюдь не подготовка школьников *к участию в его переустройстве*.

Задачу же «*дать положительное, трезвое миросозерца-*

[1] Б. Е. Райков. — Исследовательский метод в преподавании естествознания, стр. 23—24.

[2] Б. Е. Райков. — Производственно-общественный принцип в преподавании естествознания. Журнал „Естествознание в трудовой школе", № 2(4), 1928 г., стр. 58.

ние» выполняет по мнению райковцев *обучение теории эволюции.*

Но так как практика с точки зрения Райкова и райковцев не имеет познавательной ценности, не является критерием истины, то поэтому такая созерцательская позиция не могла не сказаться и на трактовке райковцами проблемы эволюции. Райковцы *противопоставляли* теорию эволюции хозяйственной целенаправленности науки:

«Из сельскохозяйственного материала программы рядовой учитель никаких эволюционных моментов не извлечет. Нужного «подстила» для эволюции этот материал не дает», — заявлял Ульянинский. [1]

«Надо быть очень плохим биологом, чтобы думать, что можно, ведя работы по куроводству или по малярии, достаточно близко подойти к вопросам эволюционного учения»,— вторил Натали. [2]

«Мы не знаем, как извлечь эволюцию из курицы и коровы», — заключал Тихомиров. [3]

А вот повидимому «плохой биолог», но человек все же имевший «кое-какое» отношение к эволюционной теории, Ч. Дарвин — думал иначе и *знал,* как «извлечь эволюцию» из одомашненных животных, из *практического выведения новых пород*. Основное решающее *доказательство* эволюции видов в теории Дарвина принадлежит *практике* искусственного отбора, *практике выведения новых пород.* Своею реконструирующей практикой человек *доказывает* эволюцию видов, видообразование. Практика животноводства и растениеводства, фактическое выведение новых пород ломает метафизические воззрения на вечность видов. Человек производит новые виды и этим самым дает все основания для преодоления метафизики в учении о видах. И к этой практике как критерию истины, как *решающему* доказательству обращется Дарвин:

«Человек производит в обширных размерах опыт, *тот самый опыт,* который природа непрерывно производила в течение долгого времени. *Отсюда следует, что основы одомашнения важны для нас*. Главный результат состоит в том, что организованные существа при таких условиях изменяются, и изменения наследуются. Это и было повидимому одной из главных причин, почему некоторые, *немногие натуралисты уже давно полагали, что виды в природном состоянии претерпевают изменения».* [1]

Когда же некоторые «возражатели» пытались (да еще и сейчас пытаются) *отвести* дарвиновское доказательство эволюции видов от практики, то эти «возражения» не могли быть ни чем иным, как лишь голословными «уверениями»:

«Пуше — писал Дарвин — в своей недавней работе (Plurality of Races» — перев. 1864 г., стр. 83 и след.) утверждает, что изменения в домашнем состоянии не проливают света на естественные изменения видов. Я не могу — пишет Дарвин—признать значение за его доводами или точнее уверениями». [2]

И всех своих «возражателей» Дарвин положительно теоретически уничтожает доказательством от реконструирующей практики.

«Возражатели скажут мне: покажите их (переходные формы).

Я бы мог ответить:

Да, если вы покажете мне каждый переход между бульдогом и борзой». [3]

В «возражателях» же у Дарвина недостатка не было. Среди них не последнее место занимают и попы. Так например К. Мичикури написал книжку под сенсационным названием «Полное разрушение дарвинизма — шесть библейских дней творения и моментальное его творение, выраженное математической формулой», [4] в которой он пишет, что «согласно наблюдениям де-Фриз-Куржинского (научился бы «отче» раньше правильно писать: не Куржинский, а Коржинский. *И. П.)* существует принципиальное, коренное различие между искусственным и естественным отбором. Поэтому культурные новые формы, называемые видами, не имеют никакого приложения к естественным видам». Поп *против* практики как доказательства, так как практика бьет попа. Но попов-

---

[1] Ульянинский. — Доклад на ОРЕО (Москва). Журнал „Живая природа", № 2, 1927 г., стр. 57.

[2] В. Ф. Натали. — В защиту эволюционного учения в школе. Журнал „Живая природа", № 3, 1927 г., стр. 68.

[3] Тихомиров. — Речь на заседании ОРЕО в Москве. Статья „Третье действие". Журнал „Живая природа", № 2, 1927 г., стр. 55.

[1] Ч. Дарвин. — Изменение животных и растений в прирученном состоянии. Иллюстр. собр. соч., т. VI, стр. 2.

[2] Там же, примечание.

[3] Ч. Дарвин.—Записная книжка; цитировано по М. А. Антоновичу— Чарльз Дарвин и его теория, 1896 г., стр. 108.

[4] Полное название книги следующее: К. Мичикури. „Полное разрушение дарвинизма—шесть библейских дней творения мира и моментальное его творение, выраженное математической формулой — три царства мира, представляющие нераздельно и неслиянно одно нераздельное органическое целое, и три науки: естествознание, философия и богословие для окончательного разрешения вопроса физической теории естественного отбора. 1907 г.

ское чутье правильно подсказало ему (при всей его ужасающей ограниченности и безграмотности), что является *основным* в дарвинизме, и это *основное* он и попытался беззубо укусить.

Но тщетны попытки разрушить дарвинизм, потому что Дарвин выставил незыблемое доказательство.

И чтобы развернуть это доказательство эволюции из *практики* Дарвин обратился к куроводству, обратился к свиноводству, кролиководству, овцеводству и т. д.,[1] одним словом обратился к изменяющей лик животных и растений производственной практике. Дарвин не боялся «скатиться в навозную жижу скотного двора» (Ульянинский). Дарвину не было «душно в амбарах, курятниках, коровниках» (Лавров). Дарвин не морщил нос от «хлевологии» (Павлович), и только *поэтому, только через производственную практику* Дарвин сумел выпытать тайну видообразования.

Райковцы и к проблеме эволюции, как и ко всем другим проблемам, подошли созерцательно, отрывая теорию от практики, не делая практику критерием научной истины, ставя задачей теории эволюции *описать картину эволюции*, так сказать дать *хронологию* эволюции, но не ее *доказательства и законы*. Не вскрывать *логику* эволюции, не ставить задачей вскрыть способы, в известном смысле, как можно *делать* эволюцию и тем самым действительно научно овладеть ее законами, а лишь описывать, какая группа животных и растений произошла из какой — вот суть созерцательной установки райковцев в теории эволюции.

И тем самым «эволюция» в их руках переставала быть теорией, вооружающей к действию, действенным методом к революционной животноводческой и растениеводческой практике. Но именно потому созерцательски выхолощенная «теория эволюции» была бессильна и *в борьбе против религии*, так как хронологическая таксономия[2] не может сама доказать, что таксономические единицы действительно превращались друг в друга, а не следовали друг за другом, что и стараются «доказать» поповствующие теоретики всяких толков. Привлечение же на помощь побочных доказательств (из палеонтологии, эмбриологии, зоо- и фитогеографии и т. д.), *взятых сами по себе*, может быть с легкостью отведено. Кювье например был превосходным палеонтологом,

[1] Дарвин.—Происхождение видов и в особенности „Изменение животных и растений в домашнем состоянии".

[2] Изложение последовательно сменявших друг друга групп организмов.

ему принадлежит не одно открытие промежуточных групп. Ведь именно Кювье были частично описаны, частично открыты такие *промежуточные* формы, как палеотерий, анаплотерий, мегатерий, антракотерий и др. И все это отнюдь не мешало Кювье отрицать эволюцию, так как *сами по* себе эти факты могут быть «объяснены» *без* эволюции или теорией катастроф и миграций (Кювье), или повторным творением (Дорбиньи, Агассис), или же единством плана (Этьен Жофруа Сент-Илер) и т. д. Неполнота геологической записи говорит *за* эволюцию, но может говорить и *против* нее, указывая на то, что хотя отдельные группы животных по всему своему облику и близко подходят друг к другу, но все же между ними — разрыв, который, взятый сам по себе, может быть объяснен различно: можно сказать, что промежуточные группы вымерли и их остатки еще просто не найдены, но можно сказать, что этих промежуточных групп *никогда* и не было. Так же и другие так называемые «доказательства эволюции», взятые сами по себе, могут быть отведены, как и отводил например показатели эмбриологии К. Ф. Бер.

Но все эти даные из эмбриологии, палеонтологии и т. д. приобретают совершенно однозначный смысл *в свете доказанного практикой* выведения новых пород. В этом свете все эти данные говорят только *за эволюцию* и сами являются *аргументом* в ее пользу. Отбросив практику выведения новых пород, райковцы тем самым подрывали *основание* описываемой ими картины эволюции; естествознание в их руках переставало быть *доказательным* и оказывалось бессильным в борьбе с религией.

Так естествознание, отбросив воспроизводящую практику как критерий истины и как конечную цель познания, действительно «сжирает» собственные корни и становится бесплодным и бездоказательным. Все же действительные достижения естествознания имеют конечным базисом социальную практику как стимул развития и как критерий истины.

Райков же думает иначе. Райков думает, что наука в своем развитии «чиста», незапятнана «низменной» практикой и идет своим независимым путем:

«Одно время (правда кажется это время прошло) некоторые наши педагоги-естественники недоверчиво относились к тому, что пахло чистой наукой; чистая наука ставилась даже в кавычки, называлась «академичностью» и т. д. Я позволю себе сослаться на взгляды некоторых лиц, частью уже умерших, которые являлись и являются в этом деле в достаточной степени авторитетами... Обратимся... ко взгля-

ду Менделеева: «Ответ мой — говорит он — короток и прост. Истина сама по себе имеет значение без каких-либо вопросов о прямой пользе. Польза есть дело свободной человеческой любознательности. Польза придет, отыщется без призыва, если истина будет сама по себе, сама для себя. Таков завет науки. Всякий знает — пишет Менделеев, — что естествознание, руководясь лишь любознанием, служило и будет служить прямой пользе людей, хотя и непосредственно не имеет к ней касательства».[1] «Величайшие достижения естествознания, из которых человечество извлекло наибольшую пользу, были сделаны учеными без всякого утилитарного подхода... Совершенно ясно, что, организуя работу наших юных натуралистов, мы не имеем никакого права и основания возбуждать у них недоверие к этой истинной науке».[2] Итак научная *истина сама по себе, сама для себя,* хотя и может практически пригодиться. Наука бесклассова. Так расуждает Райков. И в этом своем утверждении, являющемся квинт-эссенцией всей его позиции, Райков рассуждает как типичный буржуазный идеолог, не видящий или делающий вид, что не видит истинной классовой базы научного развития, и потому являя *собой* образчик классовости научного развития.

Все наше предшествующее изложение может дать оценку утверждению о бесклассовости науки, о ее независимости от социально-классового заказа. Всегда, во всяком общественном строе научный интерес в конечном счете диктуется социально-производственным заказом. «Если техника — писал Энгельс — в значительной степени (по большей части) зависит от состояния науки, то обратно — наука гораздо больше зависит от *состояния и потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это оказывает науке гораздо больше помощи, чем десять университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XIV и XVII вв. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, когда открыта была техническая применимость его. В Германии к сожалению привыкли писать историю наук так, как-будто бы науки свалились с неба».[3]

---

[1] Б. Е. Райков.—Производственный (общественно-трудовой) принцип в преподавании естествознания. Журнал „Естествознание в трудовой школе", № 2—4, 1928 г., стр. 59.

[2] Райков и Герд.—Типы юннатской работы. „Живая природа", № 6, 1927 г., стр. 177—179.

[3] Энгельс. — Письмо к Штеркенбургу от 25 января 1891 г.

В частновладельческом капиталистическом строе производства царит анархия производства, и поэтому буржуазные ученые видят отдельные вещи, видят отдельных людей, но за всем этим не видят единый строй производства, обусловливающий направление их научного интереса; благодаря анархии ученые не видят своего хозяина-заказчика — капитал. Отсюда у буржуазных ученых появляется идеологическое представление о независимости от экономики пути научного развития; отсюда широко распространенная легенда о развитии «науки для науки». Отдельные ученые не видят социального заказа, скрытого от буржуазного восприятия природою анархического производства, но отсюда вовсе не следует, что ими *объективно* не движет запрос общественного производства: буржуазные ученые свои *субъективные* восприятия принимают за *объективный* процесс развития науки. «Экономическая потребность — писал Энгельс — была главной пружиной движущегося вперед познания природы... (но в анархическом обществе. *И. П.*) люди, которые это делают, принадлежат к особым областям разделения труда и кажется, что они обрабатывают независимую область».[1]

Только у нас плановое хозяйство делает тайное явным, делает четко заметным зависимость научного развития от общественного производства. Наш хозяйственно-социалистический план дает небывалый по размаху плановый заказ научному развитию.

Познавать, ставя науку на службу соцстроительству, — этот лозунг *осуществляется у нас* и является программным в условиях соцстроительства. И этот прямой, плановый заказ науке Райков называет «утилитарным гнетом».

Заявляя, что производственная целенаправленность держит науку под «утилитарным гнетом»,[2] Райков пытается опереться и на К. А. Тимирязева, стремясь сделать К. А. Тимирязева своим единомышленником. Райков приводит слова К. А., что «большинство желающих, чтобы наука приняла преимущественно прикладное направление, конечно руководится опять чисто реакционным стремлением направить положительную науку исключительно в это узко-утилитарное ложе для того, чтобы разрешение более широких запросов мысли сделать монополией представителей совершенно иного склада мышления. Они согласны, чтобы наука была слугой брюха,

---

[1] Энгельс. — Письмо к Конраду-Шмидту от 27 окт. 1890 г.

[2] Б. Райков и Герд. — Типы юннатской работы. Журнал „Живая природа", № 6, 1927 г., стр. 179.

не желали бы только, чтобы она была руководительницей мысли».

Приведя это и другое подобное же высказывание, Райков пишет, что «это изречение юннатам было бы очень полезно запомнить».[1]

Но Райков замалчивает, что всю свою борьбу против «служения брюху» К. А. Тимирязев направлял против жандармского «брюха» *царизма и капитала.* Царской политикой в просвещении было стремление *оторвать* теорию от практики с тем, «чтобы разрешение более широких запросов мысли сделать монополией представителей *совершенно иного* склада мышления». Из-за цензурных условий К. А. пришлось писать «эзоповским» языком, но ведь каждому ясно, что представители «совершенно иного склада мышления» — это теософы, богословы и всякие другие представители церковной философии. К. А. Тимирязев был против того, чтобы наука была служанкой богословия, служанкой царской политики просвещения, убивавшей всякую живую мысль. Тимирязев был за отделение науки от государства, за освобождение ее «от утилитарного гнета» именно потому, что *«потребности» царского* строя *действительно* угнетали науку, *мешая* ей развиваться, давая так сказать отрицательный «заказ» ее развитию.

Известна классическая по своему цинизму фраза Победоносцева: «Нам именно понимания и не нужно, нам нужен только благоговейный страх».

Вот этому прожорливому как фараонова корова, но исключительно худосочному по своим запросам на научное развитие царизму — К. А. Тимирязев не хотел служить; вот в какое действительно реакционное, действительно «узко утилитарное ложе» не хотел он направлять науку.

Но и буржуазному строю, заинтересованному в некотором развитии производительных сил и потому представлявшему науке «крупицы, падающие с роскошного стола», К. А. Тимирязев не хотел служить, поэтому, и только поэтому, он был против «утилитарных целей», которые выдвигал капитал. «Не следует забывать — писал К. А. Тимирязев, — что современный буржуазный строй не отказывает науке в известном почете; он готов ей предоставить крупицы, падающие с роскошной трапезы капитализма, и это невольно заставляет задуматься о будущности этой науки: разделяя с сегодняшними победителями их добычу, не будет ли она когда-нибудь вместе с ними привлечена к ответу?»[1]

[1] Райков.— Журнал „Естествознание в трудовой школе", № 2 (4), 1928 г., стр. 60 и журнал „Живая природа", № 6, 1927, стр. 180.

В спросе на науку загнивающая буржуазия все более пятится назад:

«Издыхающая по прошлому буржуазия и пятящаяся назад метафизика не прочь протянуть друг другу руку помощи».[2]

Вот от какой жизни, от каких «утилитарных требований» хотел увести науку К. А. Тимирязев, этот незабвенный друг трудящихся, всю свою жизнь боровшийся *за единение науки и труда.* Характерны следующие его слова:

«. . . Но мне может быть готовы сделать возражение совсем иного рода: выгода такого союза (союза знания и труда) не будет ли односторонней, не будет ли деятельность науки чисто служебная, подчиненная. . . Ответ на это уже дан давно. . . нет ничего лучше этого, более плодотворного, более достойного свободных людей».[3]

И когда труд стал хозяином жизни, разбитый параличом 77-летний старец, ученый с молодой волей революционера, К. А. Тимирязев писал в Моссовет:[4]

«У меня всего одна рука здоровая, но и она могла бы вертеть рукоятку привода, у меня всего одна нога здоровая, но и это не помешало бы мне ходить на топчаке».

Да иначе и не мог писать энтузиаст единения труда и науки, который еще ранее в качестве эпиграфа к своим статьям ставил следующие слова:

«Как хорошо, что вас не могла удерживать эта дворянская брезгливость. *Природа — чернорабочая* (La nature est roturière); она требует, чтобы трудились; она любит мозолистые руки».[5]

И этого энтузиаста единения науки и труда, ставившего целью науки «завладеть природой и, подчинив ее себе, быть в состоянии по своему произволу вызывать или прекращать, видоизменять или направлять *жизненные явления*»,[6] — люби-

[1] К. А. Тимирязев.— Сборник „Земледелие и физиология растений", 1906 г., стр. 30.

[2] К. А. Тимирязев.— Наука, демократия и мир (январь 1917 г.). Сборник „Наука и демократия", 1920 г., стр. 387.

[3] К. А. Тимирязев. — Земледелие и физиология растений, 1906 г., стр. 31—32.

[4] К. А. Тимирязев был избран в Моссовет рабочими мастерских Курской ж. д.

[5] К. А. Тимирязев. — Сборник „Наука и демократия", 1920 г.. стр. 422.

[6] К. А. Тимирязев.— „Жизнь растений", 1905 г., 6-е изд, стр. 5.

тели нетронутых ландшафтов, *противопоставлявших труд и природу*, райковцы, брезгливо морщившиеся от скотного двора, пытались сделать своим единомышленником.

Но «ловкость рук и никакого мошенства» не всегда помогает. Не помогает она и в данном случае, так как К. А. Тимирязев недвусмысленно пишет:

«Его (натуралиста) задача к этому и сводится, чтобы определить условия урожая, причину недорода и средства борьбы с этой невзгодой».[1]

Райковцы же тоже недвусмысленно пишут:

Натуралист «берет во внимание окружающую природу как таковую и стремится познать ее независимо от прикладного значения того или иного объекта ее для человеческого общежития».[2]

Неправда ли, изумительное «единомыслие?!»

К. А. Тимирязев говорил об угнетении науки требованиями и куцыми запросами царско-капиталистического строя. Ведь для потребностей этого строя, опиравшегося на мелкое, раздробленное крестьянское хозяйство, эксплоатируемое поместьем, израсходовать тысячи рублей на научные изыскания оказывалось «невозможным».[3]

Научному исследователю приходилось например отказываться от исследования «дорого стоящими десятичными весами»[4] и «вместо веса ограничиться мерой».[5] Постановка опытов с удобрением фосфорнокислыми солями встречала огромные затруднения, так как с одной стороны *крупные* опыты,

---

[1] К. А. Тимирязев. — Физиология растений как основа рационального земледелия. Сборник „Наука и земледелие“, 1906 г., стр. 272. К. А. Тимирязев неоднократно указывал, что он принадлежит к направлению, созданному Буссенго, считавшему, что центральным предметом изучения нужно сделать овладевание законами развития растения с целью повышения урожая, а все остальное — почву, климат и пр. рассматривать только по отношению к растению. (См. сборник „Земледелие и физиология растений“, стр. 13, 275, 276 и др.)

[2] Райков и Герд. — Журнал „Живая природа“, № 6, 1927 г., стр. 175—176.

Примечание. Правда здесь райковцы говорят о задачах *юного* натуралиста, но это принципиально ничего не меняет, так как то, что они рекомендуют *юному* натуралисту, и есть, с их точки зрения, приобщение к *настоящему* натурализму, к „истинной науке“ (см. там же, стр. 179).

[3] К. А. Тимирязев. — Сборник „Наука и демократия“, 1920 г., стр. 422.

[4] К. А. Тимирязев. — Сборник „Земледелие и физиология растений“, 1906 г., стр. 23.

[5] Там же, стр. 22.

где требуется «метеорологическая станция с дорогими инструментами, *значительная площадь поля*, многочисленность сразу поставленных опытов, а главное дорого оплачиваемый, специальный наблюдатель, — все это, повышая затраты, *ограничивало число* и возможность повторений опытов»,[1] с другой же стороны, так как «опыт достигает своей цели всего лучше, когда производится именно при тех условиях, при которых предполагается использовать его указания»,[2] то крупные опыты, даже если они и ставились, могли давать выводы, используемые только *крупными помещичьими хозяйствами*.

Поэтому К. А. Тимирязев, идя «навстречу нужде крестьянина», должен был отказаться от крупных и сложных опытов и доводит опытный участок до $^1/_8$ десятины.[3]

Если капитализм и тем паче феодализм тормозили научное развитие, то в наших условиях крупного социалистического хозяйства вообще и земледелия в частности запросы на научные изыскания и средства для научного решения поставленных задач — колоссальны. *Нигде в мире нет такого заказа на науку и таких условий для ее мощного развития.*

Т. Яковлев в своей речи на пленуме Наркомзема приводит яркие примеры широчайшего размаха научных исследований, направляемых нашими колоссальными потребностями социалистического хозяйства:

«Еще до революции — говорил Яковлев — десятки ученых спорили о том, может ли хлопок расти в некоторых районах Украины и Северного Кавказа. В условиях частно-капиталистического хозяйства для решения этого вопроса потребовались бы десятилетия опытов *на маленьких деляночках*, десятки лет писания толстых книг и конференций по поводу этих книг, и все же неизвестно, были ли бы произведены эти опыты. *Мы же этот опыт производим на посевной площади в полмиллиона гектаров*... То же о пересадке хлопка. В условиях досоветских мы в лучшем случае имели бы теперь несколько «чудаков», которые занимались бы пересадкой хлопка общим счетом на нескольких саженях, плюс к этому несколько деляночек на опытных станциях. А мы ведь в 1932 г. будем драться за *30 000* гектаров пересадочного хлопка».

Пленарное заседание коллегии Наркомзема приняло реше-

---

[1] К. А. Тимирязев. — Сборник „Земледелие и физиология растений“, стр. 22.

[2] Там же, стр. 22.

[3] К. А. Тимирязев. — Наука и земледелец. Сборник „Земледелие и физиология растений“, 1906 г., стр. 24—26.

ние об организации специальной эндокринологической лаборатории, для опытов которой будут выделяться *от 3 до 10 тысяч подопытных животных на отдельные опыты*. Животноводческий трест выделяет 2 совхоза. Птицетрест выделяет 5 совхозов для организации опытов по эндокринологии. В 1932 г. будут поставлены испытания по потомству на *1000* быков с захватом 100 *соседних колхозов*. «Свиновод» в 1931/32 году ставит на испытание не менее 500 хряков, «Животновод» — не менее 1000 баранов и т. д.

Советские биологи выставили тезис: «биолог должен стать «инженером» растительного и животного организма», и в условиях СССР этот тезис уже становится *выполняемой программой действия*.

Все это дало возможность т. Яковлеву срезюмировать, что «истекшие два года показали, что *за науку* в действительности были мы, большевики, проводившие линию ликвидации кулачества как класса, линию создания крупного социалистического хозяйства, а не наши противники. Ибо сейчас уже и слепому видно, что никогда не были так велики возможности применения науки к земледелию, как в настоящее время».

К. А. Тимирязев, один из лучших представителей той части интеллигенции, которая соединила свою судьбу с судьбой пролетариата, боролся против *тормоза* научного развития, шедшего от *царского строя*. Райков же «тоже боролся» против огромной мощности *двигателя* научного развития, который идет от нашего *социалистического хозяйства*.

Не правда ли, опять-таки «полное единомыслие?!»

И понятно, что когда наша партия и советские органы просвещения категорически указали, что развитие науки и обучение наукам в школе, в том числе и обучение естествознанию, должно развивать не праздное любопытство, не просто повышать культуру ума, а должно быть направлено к усвоению основ наук, как *средств* нашего социалистического строительства, то райковцы закричали о гибели культуры, о гибели науки:

«Дитя — сельское хозяйство пожрало свою мать — естествознание. Всякому любящему природу учителю становится в конце-концов просто душно в этих амбарах, курятниках и коровниках, и он начинает остро понимать незабвенного Фабра, скучавшего на своих уроках, не связанных с тем, к чему влекла его душа — любителя природы».[1]

[1] Г. Лавров. — Саратовские педагоги о программах ГУСа. Журнал „Живая природа", № 4, 1927 г., стр. 117.

Вместе с профессором Савичем и другими и райковцы закричали, что природа не потерпит такого с ней обращения, закричали об «интеллектуальном вырождении» нашего юношества:

«Где же результаты нашей работы?.. Скажите, много вы видели среди них (среди юношей и девушек. *И. П.*) здоровых, бодрых, краснощеких? Хорошо говорящих, с речами короткими, но полными смысла? Умеющих точно и быстро подвести итоги наблюдению?.. Болтунов на готовую тему — мы видим сотни. Деловых, практичных и здоровых — мы почти не видим».[1]

Этот поклеп на нашу молодежь выглядит довольно-таки жалким в свете нашей *действительности* с ее 20 миллионами школьников (вместо 7800 тыс. в 1914 г.), огромной армией трудящихся физкультурников и т. д.

Интересно, бывал ли педагог-райковец Григорьянц хотя бы на наших парадах и революционных демонстрациях, где сплошными колоннами движутся сильные, бодрые и здоровые юноши и девушки? Возможно, что и бывал, но *классовая* злоба повидимому мешала ему «наблюдать» и «осмысливать наблюдаемое».

Некоторые авторы указывают на заслуги Райкова в прошлом по борьбе со схоластически книжной учебой старых гимназий.

Но все, что казалось могло бы характеризовать с какой-то светлой стороны Райкова, то, что он боролся против мракобесия, это все делается кристально понятным и ясным, если мы вспомним, что Райков — бывший кадет, представитель партии конституционалистов, которой не нравилась абсолютная монархия только потому, что она хотела абсолютную диктатуру буржуазии, а с помещиками она не всегда хотела итти куда угодно, отдав им все бразды правления.

Это та куцая квазиреволюционность, которая была у нашей русской буржуазии, той самой русской буржуазии, по поводу которой Маркс сказал «чем дальше на восток, тем подлее буржуазия». Наша буржуазия была достаточно на восток от Маркса и была достаточно подла, чтобы вызвать у Маркса эту характеристику. Ее революционность была подлой квазиреволюционностью, ее «революционность» была достаточно разоблачена тов. Лениным и всем ходом истории.

[1] Григорьянц. — Наше больное место. „Живая природа", № 6, 1927 г., стр. 170—171.

Правда коммерческое училище боролось, если это можно назвать борьбой, против классицизма, латыни и пр. Но буржуазии нужен коммерческий расчет, ей нужно иметь реальное образование, которое дало бы ей возможность реально угнетать пролетариат. Вот за такое «реалистическое» мировоззрение боролся в свое время Райков потому, что он был кадетом.

На классиках древней Греции и на богословских «герменетике» и «экзегетике» далеко не уедешь, а русской буржуазии нужно было спешно догонять ушедшие в своем промышленном развитии далеко вперед буржуазные страны Европы. Понятно, что казенные царские школы, из которых неоднократно естествознание изгонялось, а если оставалось, то лишь в куцом виде, не могли удовлетворить потребности буржуазии. Буржуазия организовала свои реальные, коммерческие и другие училища, в которых и готовились нужные для буржуазной коммерции и промышленности кадры.

Само собой разумеется, что интересы барышей прикрывались словами об «интересах культуры» и «интересах родины»: «Естествознание до сих пор — писал в 1914 г. райковец Севрук — остается пасынком русской казенной школы. Борьба за его место и значение в школе есть борьба за материальный и духовный рост нашей родины, за будущее ее культуры». [1]

Райков был за выработку образованного человека, который при помощи исследовательского метода выработал бы в себе самостоятельность и личную предприимчивость (бойскаутистского порядка), а также научился разбираться в процессах производства настолько, чтобы иметь возможность «культурно» командовать в производстве.

Исследовательский метод должен был подготавливать человека, который сам не работал бы, но умел бы по-хозяйски наблюдать, распоряжаться. «Нам нужны люди трезвого дела», — писал Райков. [2] Будущий хозяин, владелец, — вот на кого была ставка методики Райкова.

Когда же школа пролетариата начала соединять обучение с производительным трудом, когда наша школа поставила своей задачей вырабатывать не *наблюдателя-распорядителя, а творца-производителя*, то Райков и райковцы повели бешеную борьбу, иногда открыто, но больше тихой сапой, срывая политехнизацию, срывая наши пролетарские методы, пытаясь помешать нашей школе стать органом диктатуры пролетариата.

[1] Л. С. Севрук. — К истории реставрации естествоведения. Журнал „Естествознание в школе", № 6, 1914 г., стр. 97.

[2] Цит. по Ульянинскому, „Живая природа"., 1928 г., стр. 70.

Совершенно понятно, как пролетариат должен был на это реагировать. Он должен был каленым железом выжечь эту контр-революцию, которая была открыта в области методики естествознания.

Но если Райков и райковцы, вся эта группа сознательных вредителей, изъята из наших школ и вузов, то райковщина еще там кое-где осталась. Райковщина жива не только в Ленинграде, но и во многих других уголках нашего Союза. Ведь райковщина — не местное, географическое, ленинградское явление или «ленинградское течение», как некоторые его называют, а социальное классовое явление. Райков и его группа являлись сознательными «методическими» выразителями тенденций определенного класса, и имя этому классу — кулак, буржуй.

Влияние Райкова отнюдь не ограничивалось узким кругом его вредительской группы. Многие учителя в своем преподавании не отдавали себе в этом отчета, но отражали «райковщину».

Недостаточно решительное проведение в жизнь нашей школы политехнизации обучения — это уже отражение райковщины, это то, что нужно Райкову.

Возможно, что многие сидящие здесь товарищи не отдали себе отчета, что значит Райков, что значит классовый враг. Но если перед каждым встанет с остротой вопрос, что Райков являлся ничем иным, как агентом той самой мировой буржуазии, которая еще очень сильна, которая еще хочет попытаться вопрос «кто кого» решить в свою пользу, если понять, что Райков является одним из фунтиков, которые на весах буржуазии лежат и хотят создать победу буржуазии, если представить себе, что этот враг хочет уничтожить все достояние, все завоевания, которые сделал пролетариат своей кровью, тогда такой Райков ничего иного в каждом честном товарище, который слился с Советами рабочих, вызвать не может, кроме омерзения, брезгливости и ненависти.

Но обрушиваясь со всей большевистской непримиримостью на нашего врага — «райковщину», мы должны одновременно столь же непримиримо бороться и с «леваками», которые, формально борясь с буржуазной педагогикой и с райковщиной в частности, борясь с буржуазной школой, выступили вообще против *всякого* школьного обучения. Некоторая группа педагогов — Шульгин, Игнатьев и др. в

унисон механистам, «выбрасывавшим» философию, провозгласили лозунг: «школу за борт». Ход рассуждения этих «революционеров» — ниспровергателей школы — довольно не хитер. Они строят простой силлогизм:

государство отомрет,
школа — орган государства,

след. школа отомрет.

Этот формальный силлогизм содержит формальную же ошибку. Он так же «правилен», как и следующее умозаключение:

капитализм в Америке будет уничтожен,
производство в Америке капиталистично,

след. производство в Америке будет уничтожено.

Ошибочность всего этого построения явна, так как оно негласно предполагает, что производство возможно *только* капиталистическое. Но ведь это буржуа кричат о гибели культуры при виде гибели *буржуазной* культуры.

«Леваки» из правильного утверждения, что *в любом* государственном строе школа есть орудие государства, делают вывод, что *только* в государственном строе есть школа. Но это так же «вытекает», как вытекает например «заключение», что если у *любого* пьяницы красный нос, то следовательно *только* у пьяницы красный нос, иными словами *всякий* с красным носом — пьяница.

И вот вопреки всем указаниям Ленина, что школа должна быть реорганизована, пролетарски целенаправлена и в этом *реорганизованном на политехнических началах виде сохранена* и поднята на небывалую высоту, Шульгин заявляет, что «школа — орудие в руках господствующего класса и умирает она вместе со смертью классового общества. Это *ясно*». [1]

Действительно ясно. Ясно, что Шульгин ничего не понял в ленинском учении об отмирании государства. Не больше понял он и в учении Ленина о школе.

Ленин не только не был за ликвидацию школы вообще, но и считал, что *не все* надо ликвидировать из того, что было в старой буржуазной школе:

«Надо различать, — говорил т. Ленин, — что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма. . .» [1]

[1] В. Н. Шульгин. — О школе. Журнал „На путях к новой школе", № 3, 1931 г., стр. 37.

Тов. Ленин совершенно определенно формулировал задачи построения *нашей* школы:

«Задача школы 2-й ступени (12 — 17), вернее высших классов 2-й ступени, — дать вполне знающего свое дело, вполне способного стать мастером и заменить практически подготовленного к этому *столяра, плотника, слесаря* и т. п. с тем однако, чтобы этот «ремесленник» имел *широкое* общее образование (знал минимум основы таких-то и таких-то наук; (указать точно каких), был коммунистом (точно указать, что должен знать), имел политехнический кругозор и начатки, основы политехнического образования»... [2]

Наша школа должна вырабатывать товарищей, способных быть *непосредственными производителями*, а не только людей, умеющих «критически мыслить» (как это хотелось Райковым), но эти непосредственные производители не должны быть просто «ремесленниками», а должны иметь *широкое общее образование*, должны иметь широкий политехнический кругозор для того, чтобы эти непосредственные *производители* были бы одновременно *руководителями* нашего строительства.

И эту огромную по своей значимости для социалистического строительства работу проводит *школа, наша* школа. Но эту школу взялись ликвидировать Шульгин, Игнатьев и др.

«Запроектировав» отмирание школы, они немедленно взялись осуществлять свой проект: школы как школы, как *особого* в нашей общей системе учреждения, — нет; школа — цех завода и работает по проекту, по плану работы *того или иного* завода, цехом которого она (школа) является. Учиться лишь на-ходу и лишь по ходу выполнения промфинплана завода и *постольку, поскольку* это позволяет и требует работа на *данном* заводе. И в качестве генерального метода, дающего возможность ликвидировать школу, выдвинули, взятый на прокат у американской педагогики, «метод проектов». [3]

Метод проектов. . . осуществляет новый внутренне целостный педагогический процесс, при котором нет места особой

[1] Ленин. — Собр. соч., т. XXV, изд. 3-е, стр. 386.

[2] Замечания Ленина на тезисы Н. К. Крупской о политехническом образовании.

[3] „Метод проектов есть генеральный путь реорганизации всей школьной работы и в подчиненную ему систему выстраиваются все остальные методы". Шульгин. Речь на 2-й республиканской конференц и по методу проектов. Журнал „На путях к новой школе", № 3, 1931 г.

«школьной работе», а есть детская часть труда по социалистическому строительству так же соединенная с обучением, как соединена с обучением и всякая работа взрослого в эпоху развернутого социалистического наступления»...[1] так провозглашал методист-естественник т. Игнатьев.

Дети, учащиеся, делают то же, что и взрослые, только в несколько меньшем масштабе. Дети выступают как производительная сила. Это — *основное*. Учатся же они лишь *в меру* того, что требует данная, исполняемая ими работа, *заказанная заводом*.

«Дети становятся производительными силами социалистического сектора... Нужно перестроить учебный план, сделав его не только учебным планом, но и продолжением промфинплана... Класс как основная единица организации труда, должен быть заменен бригадой сквозного типа, куда входили бы ученики старших и младших групп, ученики и родители, ученики и хозяйственники».[2]

Итак учебные и воспитательные задачи *подчиняются* требованиям *близлежащего* завода, со всею вытекающею отсюда узкой специализованностью и отсутствием полноты, широты и *системности* в образовании.[3]

Отбросив системность, внутреннюю логику и последовательность в обучении, превратив обучение основам наук в обучение постольку, поскольку это позволяет промфинплан *данного* завода, ликвидаторы школы вспоминают, что нужна все же определенная некоторая сумма знаний, не связанная непосредственно с промфинпланом данного завода:

«А таблица умножения? А правописание, обучение грамоте?» — спрашивает Шульгин.[4] Но здесь же успокаивается и успокаивает, заявляя, что все это можно изучить между прочим, на ходу, без всякой школы:

«Если уже сейчас в культурных семьях, в детских садах без каких бы то ни было систематических занятий ребята научаются читать, писать, считать, то тогда это будет массовым явлением... И для навыков не понадобится школа. Школа отомрет».[1]

¹ Б. Игнатьев. — Метод проектов и политехнизация школы. Журнал „Естествознание в советской школе“, № 13, 1931 г., стр. 27—38.

² Брюннели. — Речь на 2-й конференции по методу проектов. Журнал „На путях к новой школе“, № 5, 1931 г., стр. 30.

³ „Центральным в методе проектов является то дело, которое надо сделать, какой-то „проект“, что-то задуманное к исполнению... Оправдание учебы находится в практической работе, которую надо сделать“. Б. Игнатьев, журнал „Естествознание в советской школе“, № 1, 1931 г., стр. 26.

⁴ В. Шульгин. — К вопросу о марксистской педагогике. Сборник „В борьбе за марксистскую педагогику“, 1929 г., стр. 73—74.

Странно лишь, что здесь апеллируется к детским садам. Ведь согласно логики «ликвидаторов», детские сады тоже должны бы отмереть. Или может быть детские сады *не являются* «орудием в руках господствующего класса»? Во всяком случае интересно бы знать, будет ли в них обучение происходить *только* через участие во «всамделишнем производстве?» (Шульгин). Ведь согласно Шульгину, «нет принципиальных различий в постановке вопроса как по отношению к взрослым, так и детям».[2]

«Ликвидировав» систематическое обучение и школу, «леваки» предлагают «ликвидировать» и учителя, этого «погонщика мулов», как его называет Шульгин.[3] Если же учитель и допускается, то лишь как «подсобная сила», как «помощник ребятам в организации самовоспитания и обучения».[4] По Шульгину это совсем «не учитель, специально для преподавания предназначенный, но работник в данной отрасли труда. Это совсем не учитель. И нечего ему делать в школе».[5]

И эта «ликвидация» народного учителя проповедывалась после того, как т. Ленин дал указание, что «народный учитель должен быть у нас на такой высоте, на какой никогда не стоял, не стоит и не может стоять в буржуазном обществе».[6]

Метод проектов, так усиленно выдвигавшийся «леваками», был некритически заимствован ими у американской буржуазной педагогики.

Америка — родина философского прагматизма — является родиной прагматизма и в педагогике. Узкий практицизм, антитеоретизм капиталистического янки общеизвестен и почти вошел в поговорку. Американскому дельцу важно уметь «делать деньги», ему абсолютно безразлична «сущность вещей», ему важно лишь их денежное выражение («бизнес»). До недавнего времени внешнее течение событий, так сказать «явления» служили капиталу, и ничто не толкало американских капиталистов смотреть в сущность, искать закона, задумываться над системой.

Это состояние строя производства Америки не могло не породить и делячества в педагогике. Бессистемное обучение

¹ В. Шульгин. — К вопросу о марксистской педагогике. Сборник „В борьбе за марксистскую педагогику“, 1929 г., стр. 73—74.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Ленин. — Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 115.

по тем или иным случайным проектам, важным для «практики» сегодняшнего дня, дня буржуа, — этот метод обучения есть детище такого отрезка развития *капиталистического строя производства*, который настолько *относительно стабилен*, что не толкает своих носителей искать идеалистическую систему «истинного смысла бытия», но, будучи строем эксплоатации, он отрезает своим носителям возможность принять систему действенного материализма — диалектически материалистическое учение о *единстве* теории и практики.[1]

И этот деляческий практицизм, за «обслуживанием» той или иной фабрики, того или иного завода не видящий интересов социалистического строительства в целом, строительства, нуждающегося не просто в узких ремесленниках, а в умеющих работать людях с систематическим образованием и с широким политехническим научным кругозором, дающим возможность выхода в новые, еще хозяйственно неосвоенные области, этот деляческий практицизм пытались насадить коегде в школах наши «левые» педагоги.

Понятно, что там, где эти «методы проектов» насаждались, там вместо *производственно целенаправленного систематического* обучения получалось простое *швыряние* ребят от проекта к проекту, от «кожи» к «сердцу», от «сердца» к «подбору животных и птиц», от «подбора» к «транспорту пригородного хозяйства», от «транспорта» к «кролику» и от последнего опять к «сердцу».[2]

Вся эта систематическая бессистемность в обучении по «проектам», ликвидация твердого расписания, полное подчинение порядка и времени прохождения того или иного материала обучения потребностям той или иной фабрики, завода очень напоминает следующий описанный Марксом «порядок» обучения наукам в капиталистических фабриках Англии середины XIX в.:

«В других ситцепечатных заведениях посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей... Например в один день школа посещается с 8 до 11 ч. утра, в другой день с 1 до 4 ч. вечера, и после того как ребенок несколько дней не являлся, он вдруг снова приходит на время с 3 до 6 ч. вечера, затем он быть может приходит три или четыре дня или целую неделю кряду, потом опять исчезает недели на 3 или на целый месяц и возвращается на несколько часов в бросовые дни, когда предприниматель случайно в нем не нуждается; таким-то образом ребенка так сказать швыряют то туда, то сюда, из школы на фабрику, а с фабрики в школу».[1]

Ничего другого, кроме подобного «швыряния», не могло получиться и у наших «проектников», подчинявших общие политехнические задачи образования частичным интересам *сегодняшнего дня*.

«Леваки» выставили и отстаивали тезис, что *меру* обучения определяет выполняемый ребятами общественно-производительный труд:

«Не надо думать — писал Шульгин, — что общественная работа... — способ закрепления проходимых знаний. *Это неверно*... Суть в том, что школа делает действительно общественно-необходимую работу... И если из этого получается закрепление знаний, то это — следствие, а не суть, не цель. Но если общественная работа не иллюстрация, не метод усвоения знаний, то она не бросается в тот момент, когда последнее достигнуто, но продолжается до тех пор, пока не разрешена общественно-необходимая работа».[2] Весь процесс обучения таким образом приспосабливается к выполнению запроектированной общественно-необходимой работы и должен *ломаться*, если этого требует незаконченная работа или прорыв в промфинплане завода, «цехом» которого школа является. Такова куцая, прагматическая установка «леваков».

В противовес этой установке ЦК партии в своем постановлении о начальной и средней школе указал:

«Всякая попытка оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики, преподавание которых должно быть поставлено на основе строго определенных и тщательно разработанных программ, учебных планов и проводиться по строго установленным расписаниям, представляет собой грубейшее извращение идей политехнической школы. Составной частью коммунистического воспитания является политехниче-

---

[1] Достаточно было „капиталистическому кораблю" Америки начать давать сильный крен, чтобы начала появляться тяга к „осмыслению", тяга к „системе". Достаточно напомнить здесь хотя бы речь Лесли Уайта, профессора Мичиганского университета, пытавшегося с точки зрения „мутаций" объяснить закономерность превращения капитализма в социализм. В настоящее время в капиталистической Америке идут оживленные прения вокруг вопроса о „системе капитализма и социалистического эксперимента".

[2] „Проект новых программ ФЗС", выпуск II, стр. 39–42 (а также следующие), V год обучения. Не лучше обстоит дело и в проекте для других годов обучения.

---

[1] К. Маркс. — Капитал, т. I, 1923 г., стр. 330. Госиздат.

[2] В. Шульгин. — Общественная работа школы и программы ГУСа, изд. 4-е, 1929 г., стр. 40.

ское обучение, которое должно дать учащимся «основы наук», знакомить учащихся в теории и на практике со всеми главными отраслями производства, проводить тесную связь обучения с производительным трудом». Нужно проводить тесную связь обучения с производительным трудом, но «*соединение обучения с производительным трудом необходимо проводить на такой основе,* чтобы весь общественно-производительный труд учащихся был подчинен учебным и воспитательным целям школы».

Мера общественно-производительного труда учащихся в *учебных и воспитательных* целях школы — такова линия нашей партии в организации педагогического процесса вообще и естествознания в частности.

Американская практизация направлена *против* системности в обучении; мы же *против* американизма, *против* делячества, *против* «левацкой» теории «отмирания школы», *за* систематический педагогичекий процесс. Но это систематическое обучение основам наук должно критически марксистски переработать самый материал обучения так, чтобы изучаемые закономерности природы были бы взяты не в плане удовлетворения простой любознательности, не как предмет созерцания, а как предмет труда, как предмет труда уже в настоящем или же в перспективе нашего строительства.

Программа обучения должна быть *партийной*, «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» (Ленин).[1] Нужно доводить теории изучаемых закономерностей до хозяйственных выводов. Нужно давать основы наук *наших,* повернутых к социалистическому строительству. Например не просто говорить о мутациях и законах наследственности, а изучая эти законы уяснить как они служат или должны служить нашему строительству. То же и при изучении эндокринологических процессов и при изучении законов ассимиляции и т. д. Интерес учащихся нужно все время держать направленным к перспективе социалистическо-хозяйственного освоения изучаемых закономерностей — вот в чем смысл производственной целенаправленности при обучении.

Наша школа должна готовить коммунистов, владеющих основами техники и науки, марксистски реконструированной и поставленной на службу социализму.

И этой цели систематического обучения марксистски-ленински переработанным основам наук надо подчинить все методы обучения. Для нас ведь методика не *самоцель.*

Нелепо и прожектерски думать, что любой этап обучения, любую закономерность нужно учащемуся усваивать через производственный «всамделишный» труд. Не верно и вредно для подготовки кадров нашего строительства думать, что производительный труд — это единственный метод обучения. Но не верна и враждебна нам и противоположная тенденция — совершенно устранить производительный труд как один из методов обучения. Общественно производительный труд должен быть внутренне увязан и правильно сочетаться с остальными активными методами обучения.

Думать так, что если Райков проповедывал исследовательский метод, проповедывал наблюдение, то поэтому мы должны быть против применения этих методов, — это значило бы рассуждать *не по-ленински,* это значило бы заболеть «детской болезнью левизны в методике». Это примерно было бы такое же рассуждение, как если бы мы сказали: так как у буржуазии было государство, то пришедшему к власти классу пролетариата не надо государства. Но это и есть тот самый «левацкий», анархический заскок, против которого наша партия борется и конечно будет бороться. Нужно правильное соотношение между экскурсионным, лабораторным и производственным методами обучения. Ведь дело не в том, что якобы не нужны «опыты на подоконнике» (работа Лиленштерн). Но если получается только и свету, что от этого окошка, то конечно такой эксперимент, который не связан с непосредственным производственным обучением, ничего общего не имеет с пролетарским обучением.

Экскурсии, лаборатории, работа в учебных мастерских, работа в совхозе и на фабрике — все это должно быть внутренне целостно увязано и *подчинено* единой цели — политехнического образования и коммунистического воспитания.

Вопреки райковцам, выпячивавшим воспитание «культуры ума» как самоцель, подчинявшим этой формальной «культуре» задачи образования и кроившим материал естествознания, выбрасывая подчас *нужнейшие* разделы только потому, что они не укладываются в прокрустово ложе «исследовательского метода», вопреки «левакам» также отрывавшим воспитание от образования, подчинявшим систему и материал прохождения в школе выполнению промфинплана прикрепленного завода и потому также *кроившим* материал естествознания совершенно бессистемно, пристегивая к этому промфинплану те или иные разорванные куски естествозна-

[1] Ленин. — Еще раз о профсоюзах, т. XXVI, 3-е изд., стр. 134—135.

ния, относясь к задаче «освоения основ наук» согласно при ципу «само дойдет»; вопреки этим как открыто враждебны так и псевдо-левым установкам, отрывавшим и противопо ставлявшим «воспитание» и «образование», наша партия и ходит из *единства* воспитания и образования, исходит того, что наша школа должна готовить коммунистов, стро телей социализма, и *именно для этого должна строго сист матически расширять* политехнический кругозор учащих путем овладевания основами техники и науки:

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогати свою память знанием всех тех богатств, которые выработа человечество» (Ленин).[1]

Неверно и вредно думать, что методика естествознан уже сошла на-нет, дескать былс время пометодничали и хв тит, а теперь каждый в отдельности, кто как хочет и как м жет. Это неправильно. План — в том числе и методич ский — это то большое острое оружие, при помощи которо оперирует пролетариат.

Я останавливаюсь на этом вопросе еще потому, что в р зультате борьбы с райковской установкой «методика ра методики» кое-кто отшатнулся в противоположную сторо и провозглашает «долой всякую методику». Так наприм недавний райковец проф. Павлович на философском круж педвуза им. Герцена заявил, что «методика излишня».

Также и т. Бенкен, соратник «леваков», вместе с заявл нием «долой точно очерченные программы обучения» пр возгласил: «долой частную методику». Это неверная, вре ная позиция. Она в особенности вредна сейчас, когда огро ные колхозные и пролетарские массы двинулись к овладени наукой и техникой. Нам нужно создать *свою массовую прол тарскую интеллигенцию,* и поэтому методика обучения и м тодика естествознания в частности должна быть поднята небывалую высоту.

Два мира столкнулись в форме борьбы методик. Борь методик есть борьба двух миров, которые никогда не с меют примириться; один из них, гнилой капиталистическ мир, будет уничтожаться и уже начал уничтожаться.

Ленинская линия нашей партии является гарантией, ч пролетариат победит. Победит он и на фронте «мирно классовой борьбы — *на фронте борьбы идеологий.*

---

[1] Ленин. — Собр. соч., 3-е изд., т. XXV, стр. 388.

Ответствен ред. Н. Гербильский. Технич. ред. Р. П

УЧГИЗ № 917/Л. Индекс. У-83. Тираж 10 000 экз. Сдано в набор 1/X — 31 г. Подпис к печати 10/II — 32 г. Бумага 82 × 110. Колич. листов 4½. Колич. печ. зн. в листе 1584
Ленгорлит № 19871. Выход в свет 1932 г. Заказ № 1266.